

**ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ
МИКАЭЛЬ ЮРТ**

**ВЫСШАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ**

**ЭТОТ ШВЕДСКИЙ ДУЭТ
НЕ ПЕРЕСТАЕТ УДИВЛЯТЬ!
В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ
ХАНСУ РУСЕНФЕЛЬДТУ
И МИКАЭЛЮ ЮРТУ
УДАЛОСЬ СОЗДАТЬ
БЛЕСТЯЩИЙ ОБРАЗЕЦ ЖАНРА.
GOOI & EEMLANDER, NETHERLANDS**

18+

Себастиан Бергман

Ханс Русенфельдт

Высшая справедливость

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Русенфельдт Х.

Высшая справедливость / Х. Русенфельдт — «Издательство АСТ», 2018 — (Себастиан Бергман)

ISBN 978-5-17-136390-1

Себастиан Бергман – бывший криминальный психолог и специалист по серийным убийцам, слишком непредсказуемый, чтобы работать с кем-то, и слишком профессиональный для того, чтобы не работать вообще. Но легендарный Себастиан Бергман уже отошел от дел и смирился с мыслью, что его работа в Государственной комиссии осталась в прошлом, он вернулся к чтению лекций и написанию книг. Ванья тоже покинула Госкомиссию; она нашла временную работу следователем по уголовным делам в Уппсале. Детектив расследует серию изнасилований. Когда одна из жертв умирает, к делу подключают Госкомиссию, а без Себастиана Бергмана не обойтись. Воссоединившись, команда должна отбросить свои личные проблемы и конфликты, чтобы поймать жестокого насильника, который продолжает наводить страх на Уппсалу. В конце концов детективы понимают, что жертвы выбираются не случайно. Но какая между ними связь? И почему так много людей не хотят, чтобы преступник был пойман?

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-136390-1

© Русенфельдт Х., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
13 октября	6
14 октября	26
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт

Высшая справедливость

Hans Rosenfeldt

Michael Hjorth

En högre rättvisa

Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия «Триллер по-скандинавски»

Перевод со шведского *Марии Николаевой*

© Michael Hjorth, Hans Rosenfeldt, 2018

© Николаева М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

13 октября

Ты снишься мне.
Почти каждую ночь с тех пор, как это началось.
Что бы ты подумала, если бы узнала?
О том, что я делаю.
Вероятно, ты подумала бы обо мне плохо.
Ты умоляла бы меня остановиться.
Ты была лучше меня.
Но прошлой ночью ты просила спасти тебя.
Спаси вас обоих.
У меня не получилось.
Даже во сне.
Поэтому я делаю то, что в моих силах.
Я собираюсь сделать это снова.
Вечером.
Номер пять.
Клара Вальгрэн

* * *

Начало октября ознаменовалось приходом зимы.

Это был особенный год, запоминающийся. Весна не желала наступать всерьез до самого конца мая. Снег ложился и на белые шапочки студентов во время традиционного многолюдного праздника на Вальпургиеву ночь¹, и на редких участников первомайского шествия днем позже. Лето заставило ждать себя до конца июня, лишь через неделю после праздника Мидсоммар² температура впервые преодолела двадцатиградусную отметку. С другой стороны, тепло продержалось аж до середины сентября.

Потом как будто бы не было никакой осени.

Восьмого октября пришла зима. Толстый белый слой инея предстал на обозрение жителей Уппсалы, когда они поутру стали выглядывать в окна. Неполные четыре месяца без снега прибавили аргументов климатическим диссидентам.

– Сдается мне, на Земле не становится жарче.

«Твоего мнения никто не спрашивал», – хотелось Кларе ответить всякий раз, как она слышала эту фразу, и наблюдала самодовольную гримаску, которая, как правило, появлялась на лице оратора.

Изменения климата происходили на самом деле. Три года изучения экологии в Лунде и магистерский экзамен по специальности «Устойчивое развитие» дома в Уппсале вселили в Клару уверенность в этом. Годы исследований по всему миру привели к четким выводам, вне зависимости от того, как это все выглядело при взгляде из кухонного окна октябрьским утром.

---

¹ Ночь с 30 апреля на 1 мая, отмечается во многих странах Западной Европы как праздник весны.

² День летнего солнцестояния.

«Было, однако, довольно прохладно», – признала Клара, на ходу застегивая чересчур легкое пальто, когда в начале десятого выходила из здания, в котором проходили курсы. Она, по своему обыкновению, дождалась ухода последнего из слушателей, привела все в порядок и только потом ушла сама.

Обивка и ремонт мебели.

С 18.30 до 20.30, с 15 сентября.

Девять тематических занятий.

Сегодня они встречались в пятый раз. Клара радовалась успехам учеников. Ей нравилось вести эти курсы.

Вот уже четвертый год подряд.

Она на всякий случай еще раз проверила, заперта ли дверь, прежде чем быстрым шагом направиться вниз по улице Огатан. Услышав звонок мобильного, она взяла трубку и ответила с удивленной улыбкой:

– Привет, гномик, не спишь?

– Когда ты будешь дома? – раздался усталый голосок Виктора. Она представила себе, как он сидит на диване в своей пижаме с Человеком-пауком, зубы вычищены, волосы взлохмачены, глаза слипаются.

– Я уже иду к машине, так что через пятнадцать – двадцать минут. Что-то случилось?

– Рана.

На прошлой неделе сын принимал участие в школьных соревнованиях по ориентированию, еще до снега. В лесу набрел на какой-то ржавый металлолом и пропорол себе икру. В итоге пять швов. Повязку нужно менять каждый вечер.

– А папа не может тебе помочь?

– Лучше ты.

Клара вздохнула про себя. Всегда приятно быть нужной и важной, но... Они с Заком разделили декретный отпуск, и все время, пока сын подрастал, Зак был более или менее рядом, однако когда дело касалось... чего-то насущного, Виктор предпочитал обращаться к маме. Она замечала, что Зака коробит это вечное пребывание на вторых ролях.

– Но я же сейчас не дома, а тебе пора спать, – сделала она робкую попытку, сворачивая на Онгкварнsgатан.

– А как же рана?

– Пусть папа ее обработает, а потом ложись. Если ты еще не будешь спать, а с раной что-то окажется не так, я ею займусь, когда приду.

Предложение было встречено молчанием, как будто восьмилетний ребенок пытался вычислить, не обманули ли его каким-то образом.

– Так и поступим? – поинтересовалась Клара.

– Ладно...

– Отлично! Целую тебя. До встречи утром!

Она нажала на сброс и вернула телефон в карман. Руку из кармана не вынула. Было на самом деле холодно.

Правильно ли она поступила?

Если Виктор не будет спать, когда она вернется, и она сменит ему повязку, не будет ли это означать, что она считает Зака неспособным выполнить эту задачу так же хорошо, как она? Не нужно ли было настоять на своем? Сказать, что повязку сменит папа, а потом Виктор должен идти спать? Точка.

Не давать права выбора. Отказаться менять повязку.

Определенно.

В лучшем случае Виктор уже будет спать, когда она придет домой, и проблема решится сама собой, – рассуждала Клара, приближаясь к стоянке.

На квадратной шестиместной парковке два места были зарезервированы за Ассоциацией Содействия Обучению. К этому времени единственным оставшимся на парковке автомобилем был принадлежавший Кларе голубой Поло в дальнем углу.

Клара остановилась.

Было темно.

Темнее обычного.

Здания вокруг парковки стояли сплошь офисные, либо принадлежали различным организациям, поэтому в такой час в окнах было уже темно. Ничего необычного, но сейчас, к тому же, оказались выключены оба наружных светильника на фасаде. Клара не знала, где искать тумблер, но подумала, что кто-то, должно быть, выключил их по ошибке.

То, что это не ошибка, стало ясно Кларе уже на полпути к авто, когда глаза немного привыкли к темноте. На асфальте возле парковочного барьера, ближайшего к ее Поло, валялись осколки стекла.

Светильники кто-то разбил.

Или они сами упали и разбились об асфальт? Нет, разбиты обе лампы, значит, кто-то позаботился об этом специально. Несмотря на то, что Клара все еще мысленно причисляла себя к молодежи, у нее промелькнула мысль, что виной всему подростки. Может быть, это был самый приемлемый вывод. Что вандализм и прочее выходящее за пределы нормы поведение должно свидетельствовать об определенной ограниченности. Повсеместно происходящие в обществе процессы все яснее указывали на этот факт.

Она потянула связку ключей из кармана. Поло дважды моргнул, и зеркала заднего вида с еле слышным гудением развернулись. Она уже было дотронулась до заледеневшей на морозе ручки, как вдруг, повинуясь внезапно пробежавшей по телу дрожи, замерла.

Тихие шаги за спиной.

Она не одна.

Черная тень мелькнула в боковом стекле. Чье-то отражение.

Большое. Искаженное. Близкое.

Не тратя времени на раздумья, она резко отступила в сторону и одновременно развернулась. Темный силуэт оказался не за спиной у Клары, а прямо рядом с ней, возле машины. Она успела разглядеть черный капюшон, прикрывающий лицо, прежде чем ее оглушил звук, громкий и пронзительный.

Как вой сирены.

Лишь мгновение спустя Клара поняла, что это ее собственный крик.

Силуэт инстинктивно отпрянул, но эта секундная передышка придала Кларе сил. Она не станет спасаться бегством. Она будет защищать себя. Любой ценой.

Из подсознания всплыл усвоенный когда-то совет. Оказать злоумышленнику решительное сопротивление путем внезапной атаки. Так она и поступила. Била и лягалась. Колотила руками и ногами тело нападавшего. Изо всех сил. Снова и снова. Слепо и яростно. Все еще продолжая кричать.

Клара не знала, сколько прошло времени, вероятно, несколько секунд, хоть ей и казалось, что гораздо больше, когда нападавший внезапно попятился назад, а затем и вовсе бросился бежать прочь, налево по улице Онгкварнsgатан.

Клара осталась на месте. Она хрипло, натужно дышала. Успела подумать, что от крика у нее в шее, должно быть, что-то лопнуло. Затем силы покинули ее, и она осела на землю, не ощущая ни холода, ни влаги, немедленно пропитавшей ее брюки. Хриплое дыхание постепенно превратилось в тихое поскуливание. Она смотрела перед собой пустым взглядом. В поле ее зрения оказался небольшой продолговатый предмет, лежавший на асфальте прямо возле машины.

Шприц с жидкостью внутри.

Ее собирались усыпить.
Усыпить и изнасиловать.
Совсем как Иду.

* * *

Скучала ли она по Госкомиссии?

Ванья осознала, что задается этим вопросом достаточно часто. Вот и сейчас она вновь задумалась, заваривая чай в кухне небольшой двушки на Норбювэген, которую один из Уппсальских коллег сдал ей в субаренду. Пока что на год – на время своей командировки в Гаагу для работы в совместной с Евросоюзом миссии по борьбе с работорговлей. Пятьдесят два квадратных метра были обставлены таким образом, что Ванья навскидку не смогла бы ответить, выбрала бы она сама какие-то из этих предметов мебели, обихода или декора, кроме, вероятно, семидесятипятидюймовой плазмы, безраздельно властвовавшей на стене напротив продавленного черного кожаного дивана. Но коль скоро квартира сдается с меблировкой, тут ничего не попишешь. Год Ванья могла и потерпеть. А уж если останется здесь жить – тогда можно будет приобрести что-то другое. Свое.

«Скучаю ли я по Госкомиссии?» – раздумывала Ванья, вынимая чайный пакетик из кружки с картинкой по мотивам «Звездных войн», чтобы затем бросить его в сливное отверстие.

Не по отделу как таковому, и не по самой работе. То, чем она занималась в Уппсале, было на порядок менее интересно, однако скучала она именно по коллегам. Сейчас, пробыв вдали от них уже несколько месяцев, Ванья ясно видела, что для нее они стали больше друзьями, нежели товарищами по службе. Возможно, это были ее единственные друзья.

Ну, кроме Себастиана.

Но он другом не был.

Ванья распахнула дверцу холодильника, налила молока в кружку, и пошла с ней в маленькую гостиную, где ее ноутбук стоял раскрытым на дымчатом стекле икеевского журнального столика.

Она обещала Торкелю вернуться.

Когда немного со всем разберется.

Что бы это теперь ни означало.

Ванья до сих пор не общалась с Анной, по этому пункту изменений не было. Ее мать лгала ей всю жизнь, а когда правда наконец открылась, вновь предала Ванью, вступив в контакт с Себастианом за ее спиной. И даже хуже – она с ним спала.

Несколько раз Ванья звонила Вальдемару. То были краткие, обезличенные разговоры о переезде, новом городе и новых коллегах. Он не заезжал повидаться. Несмотря на то, что он оставил Анну ради восстановления отношений с дочерью, и даже несмотря на то, что всю Ваньину сознательную жизнь он был ее папой, ближе и дороже которого для Ваньи никого не было, им двоим так и не удалось вернуть отношения в прежнее русло.

Это причиняло ей боль.

Приводило в отчаяние.

Себастиан ухитрился уничтожить одну из немногих действительно имевших значение вещей в ее жизни. Возможно, они с Вальдемаром смогли бы сблизиться в своих новых ролях, однако продолжающееся расследование экономических преступлений вкупе с попыткой самоубийства, предпринятой Вальдемаром, стояли между ними непреодолимой стеной.

В ее жизни все смешалось. Разбираться со всем этим предстоит еще очень, очень долго.

Единственное, что было действительно хорошо – отношения Ваньи с Юнатаном. Даже лучше – отпуск, который начался в Копенгагене, и продолжился в пяти европейских странах,

оправдал все надежды Ваньи. Юнатан поначалу подозревал, что Ванье просто нужен кто-то рядом, не обязательно именно он, однако короткое время спустя осознал, что его опасения беспочвенны. Когда лето кончилось, он уже говорил об их совместном будущем, как о чем-то само собой разумеющемся.

Ему не нравилась идея переезда Ваньи в Уппсалу, но она старалась бывать дома при первой возможности – сорок минут в пути, и она вновь в Стокгольме. Когда она бывала там, то жила у него. Свою квартиру на Сандхамнсгатан сдала в аренду.

Так что с Юнатаном все обстояло прекрасно, и Себастиана она не видела с тех пор, как он оставил ее в гараже под Вотерфронтом больше трех месяцев назад. Ей было известно о том, что Себастиан пострадал во время сумасшедшей гонки на автомобиле, начиненном взрывчаткой – несколько сломанных ребер и сломанная рука, по словам Урсулы. Больше она ничего не знала. Больше ничего и не желала знать.

Чем меньше места Себастиан Бергман занимает в ее жизни, тем лучше. Ванья была уверена, что данное утверждение справедливо вообще для всех.

Так что она прогнала мысли о Себастиане из головы, опустила на диван и, небольшими глотками прихлебывая горячее питье, вернулась к выписке из заявления Терезы Андерссон.

Заевительница ушла с вичеринки на улице Мольнгатан, 23, примерно около полторово ноци 4-го октября намириваясь пишком пойти домой по месту жительства на Альмквистгатан, всево в паре келометров. По тропинке она пошла через площадь Лильефорш и двигаясь мимо школы Лильефорш услышала приближающиеся шаги, после чево некто схватил ее сзади, и она почувствовала укол в шею.

Ванья прекрасно сознавала, что вряд ли дождется такого времени, когда все полицейские отчеты будут составляться на эталонном шведском языке. Те отчеты, которые все же были составлены грамотно, оставались в абсолютном меньшинстве. Однако чтение именно этого экземпляра стало своего рода испытанием. Ванья бросила взгляд на подпись составителя. Стажер Оскар Аппельгрэн. Еще учится, однако из-за отсутствия шведского языка в программе Высшей школы полиции шанс на улучшение был минимальным. Она сделала глубокий вдох и вернулась к чтению.

После этово она ничево не помнит до тово момента пока не очнулась лежащей на зимле сриди кустов, ниподалеку от тропинки. Юбка ее была как бы вздернута, калготки разорваны, а на голове заевительницы было что-то типа мешка. Заевительница поднялась на ноги и добралась до улицы Ваксалагатан где стала звать на помощь. На тот момент было около полтретьево ноци.

Полицию вызвали в больницу, и мидицинское осведетельствование выевило маточное кроватечение вследствие насильственново проникновения, а тагже следы спермы. Анализ крови выевил наличие остатков припарата «Флуниразепам» праизводства кампани «Майлан».

Ванья отложила в сторону эту вакханалию орфографических ошибок и просторечия, взяла кружку и откинулась на спинку дивана.

Нападение и изнасилование.

Их отдел занимается небольшим процентом изнасилований, сообщения о которых регистрируются в течение года. Чаще всего преступник и жертва знакомы друг с другом, и преступление совершается у кого-то из них дома. Такие дела получают широкую огласку в прессе, и по этой причине у общественности создается впечатление, что изнасилования происходят значительно чаще, чем на самом деле. Однако до сих пор о том, что произошло с Терезой, было написано крайне мало. Публикаций будет больше, если кто-то заинтересуется этим делом всерьез.

Тереза не была первой жертвой насильника.

Ванья вновь подалась вперед, поставила кружку на стол, и взяла в руки отчет из Национального центра судебной экспертизы.

Он оказался довольно скуп.

Отпечаток подошвы спортивных туфель марки «Ванс», модель UA-SK8-Hi MTE на земле под кустами, а также выделенная из семенной жидкости ДНК, соответствий которой не обнаружено ни в одном регистре. Тем не менее данные полностью совпали с результатами экспертизы по другому изнасилованию, совершенному менее месяца назад.

Ида Риитала, тридцать четыре года.

Нападение на Старом кладбище было совершено 18 сентября.

Тот же город, тот же район.

Злоумышленник, подкравшийся сзади, сделал жертве инъекцию снотворного препарата, натянул на голову джутовый мешок и совершил преступное деяние, пока потерпевшая пребывала в бессознательном состоянии.

У Ваньи зазвонил мобильник. Она бросила взгляд на дисплей.

Ее новый шеф. Анне-Ли Юландер.

Скоро полдесятого. Значит, работы прибавилось. Ванья приняла звонок.

– Привет. Что случилось?

Ванье потребовалось меньше чем полминуты, чтобы захлопнуть ноутбук, встать, и выйти из квартиры. Если и оставались еще какие-то сомнения насчет серийного характера преступлений, то теперь они исчезли.

Появилась третья жертва.

* * *

Клара забилась в угол дивана. Она была одета в три слоя, с ног до головы закутана в плед и тем не менее никак не могла отогреться. Словно холод с темной парковки проник ей под кожу. Обеими руками вцепившись в кружку с чаем, Клара глядела на женщину с блокнотом в руках, которая сидела, немного подавшись вперед, на другом конце дивана.

Анне-Ли Юландер. Комиссар полиции.

Клара подумала, что она больше похожа на успешного адвоката из какого-нибудь американского сериала. Простое, хорошо скроенное и явно дорогое красное платье и темные волосы до плеч, уложенные таким образом, чтобы создавалась видимость небрежности. Клара, однако, эта небрежность не смогла ввести в заблуждение.

– Черная одежда, капюшон, прикрывающий лицо. Вы можете вспомнить о нем еще что-нибудь?

Клара поймала полный сочувствия взгляд Анне-Ли и покачала головой в ответ.

– Можете предположить, какого он был роста?

Клара ненадолго задумалась. Она была уверена в том, что никогда не сможет забыть произошедшее, что оно отпечаталось в памяти навечно, но в то же время воспоминания казались неясными и спутанными. Словно мозг пытался защитить ее, не позволяя вспомнить все в деталях.

– Не знаю. Выше меня.

– Какого вы роста?

– Метр шестьдесят девять.

Анне-Ли внесла последние сведения в краткий отчет о происшествии на парковке. Как только появится Ванья, можно будет ехать на место происшествия. Карлос был уже там, и держал все под контролем, но у них не было права даже на малейшую ошибку. Три нападения в течение месяца. По вверенным ей улицам бродит очень опасный человек.

– Он проснулся, когда я добралась до дома, – тихо произнесла Клара. Анне-Ли подняла голову от своих записей и проследила за взглядом Клары в направлении кухни, где за столом сидел мужчина, держа на коленях мальчика в пижаме с Человеком-пауком. Мужчина приглушенным голосом читал мальчику книжку, а тот явно из последних сил боролся со сном, периодически бросая печальный взгляд в сторону матери.

– Он спал, но, должно быть, услышал наши голоса, и понял, что что-то случилось...

– Хотите, я поговорю с ним?

Клара отвела взгляд от мужа и сына и посмотрела на Анне-Ли.

– И что вы ему скажете?

– Сколько ему?

– Восемь.

– Могу сказать, что мы пришли с вами поговорить, потому что вы что-то видели, а не потому, что что-то случилось. Немного снизить градус напряженности.

– Зак уже это сделал. Он сказал, что несколько глупых взрослых шумно ругались рядом со школой, и немного напугали маму...

Она осеклась, услышав звук открывающейся входной двери, и вся словно окаменела. Это не ускользнуло от внимания Анне-Ли, и она успокаивающе положила руку на плечо Клары.

– Это моя коллега, – пояснила Анне-Ли. Клара повернула голову в сторону двери и встретила взглядом с вошедшей, молодой женщиной, представившейся Ваньей Литнер.

– Клара Вальгрэн, – прохрипела Клара в ответ. У нее все еще болела шея. Боль стала даже сильнее. Что-то там все-таки лопнуло. Вероятно, нужно было в любом случае доехать до больницы. Она не сделала этого. Тогда. После. Ничего же не произошло.

По крайней мере, ничего из того, что могло бы произойти.

Она поехала и сделала глоток чая. Теплый напиток не мог ни уменьшить боль в шее, ни согреть Клару, однако она продолжала его пить. Ромашковый чай в кружке с надписью «Лучшая в мире мама». Сидя на диване, дома после курсов.

Это было проявлением нормальности. Уверенности.

Вновь прибывшая сотрудница полиции сняла верхнюю одежду и присела на диван, заинтересовавшись у Клары ее самочувствием. Клара в ответ пожала плечами. Как она? Ей самой было не ясно. Мысли путались. Сейчас, когда адреналин уже не циркулировал в крови, Клара чувствовала себя до крайности утомленной, но, невзирая на этот факт, организм словно продолжал работать на высоких оборотах.

Анне-Ли поднялась со своего места и передала блокнот Ванье.

– Мне нужно ехать на место происшествия, а Ванья останется с вами. Она вынула визитную карточку и положила на журнальный стол. – Если вам понадобится помощь, возникнут вопросы или нужно будет проконсультироваться с медиками – что угодно, – просто позвоните.

– Благодарю.

Анне-Ли на мгновение положила руку на плечо Клары, бросила Ванье «увидимся» и покинула комнату, а затем и дом. Клара проводила ее взглядом. В холле у двери висела фотография. Она, Зак и Виктор. В прошлом году на Крите. Они нашли маленькую деревушку, Лутро, на южной стороне острова. Никаких дорог, добираться пришлось на лодке. Штук пятьдесят домишек раскинулись полукругом у прозрачной бухты. Маленькие ресторанчики и отель, очень мало развлечений помимо купания, солнечных ванн и прогулок.

Идеальный отпуск.

Идеальная жизнь.

Сможет ли Клара вернуться к ней?

Под картиной стояло кресло, обтянутое Klarой собственноручно. Она задержалась взглядом на цветочном узоре, как вдруг ей в голову пришла мысль. Эта мысль уже посещала Клару, когда она сидела на холодной земле, но потом затерялась.

– Это тот же человек, который напал на Иду?

Ванья удивленно посмотрела на собеседницу поверх блокнота.

– Иду Риитала?

Клара кивнула.

– Это он?

– Вы с ней знакомы? – с немедленно вспыхнувшим интересом спросила Ванья вместо ответа. То, что две из жертв знакомы между собой, в лучшем случае поможет сузить круг поисков преступника. В то же время, этот факт может и ничего не означать. Чистая случайность. Но ведь он разбил светильники, и специально поджидал ее? Правда, они пока не знали, тот ли это самый человек. Может, он просто заметил, как Клара выходит из здания Ассоциации, последовал за ней, увидел, как она заходит на темную пустынную парковку и воспользовался случаем.

Но Клара была знакома с Идой Риитала.

– Как вы познакомились с Идой?

– Раньше пели в одном хоре. Мы подружки.

Клара замолчала, но чувствовалось, что на сердце у нее еще что-то есть. Ванья помедлила.

– Во всяком случае, на Фейсбуке, – продолжила Клара, видимо, проанализировав истинный характер своих взаимоотношений с Идой. – Мы не так уж часто видимся...

– А с Терезой Андерссон вы знакомы? – поинтересовалась Ванья.

– Нет, а кто она?

– Она примерно ваша ровесница, работает консультантом по здоровому образу жизни, проживает на Альмквистгатан совместно с неким Миланом Павичем.

Клара отрицательно покачала головой.

– У меня есть фото.

Ванья по обыкновению хранила в телефоне фото фигурантов расследований. Она точно не знала, соответствует ли подобная тактика всем законам и предписаниям, а также рекомендациям по защите личной информации, однако это было удобно и помогало ей в работе, так что она старалась особенно глубоко не вникать в такие вопросы.

Она нашла фото Терезы и развернула телефон дисплеем к Кларе, которая, быстро глянув на экран, снова отрицательно помотала головой.

– Вы поэтому приехали вдвоем? – Клара кивнула на опустевшее место, где сидела Анне-Ли. – Я решила, что вряд ли кто-то вообще придет, ну, знаете, обычные полицейские. Они же все время твердят о своей загруженности и нехватке ресурсов.

Ванья боролась с желанием громко вздохнуть. Она устала оттого, что доверие к полиции год за годом неуклонно снижается, и оттого, что образ ограниченной в ресурсах, неэффективной и в определенных случаях некомпетентной организации закрепляется в сознании все большей части общества. Даже если этот образ порой вполне соответствует действительности.

– Преступления, связанные с насилием – в приоритете, но вы правы— мы здесь действительно потому, что считаем человека, напавшего на вас, причастным и к другим нападениям на женщин в Уппсале.

– Как Хагаманнен...³

На этот раз Ванье не удалось сдержать вздох. Она и сама подумала именно об этом после звонка Анне-Ли.

Хагаманнен, осужденный за две попытки убийства, четыре изнасилования, из которых два завершённых и две попытки, а также подозреваемый еще по целому ряду нападений в Умео

---

³ Хагаманнен – прозвище известного всей Швеции преступника, совершавшего насильственные действия в районе Хага города Умео в 1998–2000 и 2005 годах.

в период с 1998 по 2005 годы. Семь лет. Слишком много времени прошло, прежде чем он оказался за решеткой.

Слишком много жертв.

Слишком много страдания.

Слишком много страха.

– Мы возьмем его прежде, чем его можно будет сравнить с Хагаманненом. Вне всяких сомнений, Ванья сказала это всерьез. Клара никак не отреагировала, только снова молча посмотрела в сторону кухни. На свою семью.

– Мы можем закончить? – спросила она. – Уже поздно...

– Конечно, если вы больше ничего не можете припомнить.

– Нет.

– В таком случае просто давайте знать о своем самочувствии, – сказала Ванья, встала с дивана и потянулась за курткой.

Клара тоже поднялась, но не сделала попытки проводить Ванью к выходу. Вместо этого она пошла на кухню и без слов взяла на руки сонного сынишку. Он обвил ее руками и уткнулся носом ей в шею. Зак тоже поднялся с места и легонько обнял жену. Так втроем они и отправились в спальню.

Маленькая семья.

Клара размышляла, сможет ли она когда-нибудь вновь почувствовать усталость. Закрывать глаза. Расслабиться.

Сейчас ей казалось, что нет.

* * *

Карлос Рохас дрожал и переминался с ноги на ногу на своем посту у заградительной ленты, наблюдая за скрупулезной работой технического персонала возле одинокой припаркованной машины. Собираясь на вызов, Карлос оделся как следует. Шапка, варежки, шарф, несколько слоев одежды... он даже выбрал обувь поплотнее, чтобы защититься от ветра.

Тем не менее Карлос замерзал.

Все, кто знал его по имени и видел его темные волосы и смуглую кожу, думали, что Карлос – урожденный испанец, что вполне объясняет отсутствие у него привычки к местной погоде. Погода эта, однако, была для Карлоса родной. В Швеции он прожил всю свою жизнь. Мама Карлоса познакомилась с его отцом во время отпуска в Малаге тридцать восемь лет назад, и тот поехал в Швецию вслед за ней. Семья поселилась в городке Варберг, и у супругов родились Карлос и две его сестры. Так что не детство, проведенное в солнечной Испании, стало причиной неприспособленности Карлоса к холодам. Просто так уж с ним вышло. Карлос мерз постоянно – не только в холодное время года.

Он похлопал руками в варежках и несколько раз подпрыгнул на месте. Никакого эффекта от этой процедуры Карлос не ощутил.

То, что Анне-Ли уже на подходе, Карлос понял, еще не видя ее. За шесть лет работы под ее началом Карлос научился распознавать звук ее шагов. Она всегда носила обувь на каблуках.

Всегда безупречно одета.

Элегантно, просто и дорого.

Одежда Анне-Ли сигнализировала о том, что ее хозяйка обладала безусловным авторитетом.

Сегодняшний вечер не стал исключением. Черные сапоги до колен, красное платье, угадывающееся под черным двубортным пальто марки «Хоуп», пестрый шерстяной шарф на шее.

Мода – увлечение, которое объединяло этих двоих. Карлос не мог понять людей, равнодушных к своему внешнему виду. Одежда может рассказать о личности больше, чем основ-

ная масса людей может себе представить. И деньги тут совершенно ни при чем. Стиль ничего не стоит. Он либо есть, либо его нет. Взять их новую сотрудницу, к примеру. Ванью Литнер. Отличный специалист, приятный в целом человек, хоть ее социальные навыки немного и недотягивают; но совершенно ясно, что она и трех минут в неделю не посвящает планированию своего гардероба.

– Мерзнешь? – поинтересовалась Анне-Ли, кивком указывая на его вздернутые к ушам плечи.

– Сама как думаешь?

– Думаю, тебе придется нелегко зимой. Сейчас еще только октябрь. Она улыбнулась Карлосу и повернулась лицом к месту происшествия. – Что у нас здесь?

– Отпечаток подошвы, размер и марка обуви идентичны таковым в предыдущих случаях, но сейчас он еще обронил шприц.

– Мы можем его отследить?

– Попытаемся.

– Нашли какой-нибудь мешок?

Карлос покачал головой. Анне-Ли обернулась и оглядела улицу в обоих направлениях.

– Камеры видеонаблюдения?

– Здесь отсутствуют, но одна есть на улице Огатан. Я уже запросил все данные, начиная с 20.30.

– Отлично.

– И еще кое-что...

– Да?

– Светильники на стене. Я обзвонил тех, кто арендует здесь парковочные места. – Он указал пальцем в сторону копошащихся на парковке техников. – Некто Фредрик Филипссон на своем автомобиле уезжал отсюда сразу после восьми и, по его словам, оба светильника на тот момент работали.

– То есть он подждал ее.

– Получается, так.

– Потому что они знакомы.

– Он мог следить за ней в течение какого-то времени. Она каждый четверг примерно в одно и то же время ставит здесь машину, а потом через определенное время уезжает. Совсем как Ида Риитала, у которой была привычка сокращать путь через кладбище.

Анне-Ли снова вздохнула. Она повернулась к Карлосу спиной, вглядываясь в студенческую спортплощадку на противоположном берегу темной, холодной реки Фирис. Она любила свою работу. Все ее аспекты. Но это... к этому она не желала иметь отношения. Эту проблему нужно каким-то образом разрешить. И поскорее. Она даже готова заставить всех жителей Упсалы мужского пола старше пятнадцати лет пройти ДНК-тестирование.

– Три нападения менее чем за месяц.

Это была констатация факта, но Карлос предпочел ответить.

– Верно.

– Он не остановится.

– Нет.

– Женщинам будет страшно выйти на улицу.

– Еще страшнее, чем обычно.

Анне-Ли кивнула. Это суровая реальность и серьезная общественная проблема. Женщины боятся выходить на улицу поодиночке. В каждом городе, повсеместно. Согласно результатам некоторых исследований, каждая пятая женщина хоть раз в жизни была настолько испугана, что отказывалась выходить из дома. Под ударом свобода передвижения. Ограничиваются их возможности.

В отсутствие разгуливающих по улицам серийных насильников.

– Мы должны сделать все, что от нас зависит, – наконец выговорила она и повернулась обратно к Карлосу.

– Тебе нужны еще люди?

– Мне нужны *другие* люди.

С этим она ушла. Даже когда она пропала из виду, Карлос продолжал слышать стук ее каблучков. Он не знал, что Анне-Ли имела в виду, говоря про «других» людей, но был уверен, что очень скоро узнает.

Если Анне-Ли что-то решила, так тому и быть.

* * *

– Ты еще долго?

Билли слышал, но не отреагировал на вопрос, прозвучавший из-за двери в ванную. Он стер конденсат с зеркала, наклонился над раковиной и стал пристально вглядываться в собственное лицо.

Совсем как тогда.

Тем июньским утром. Когда он в жестоком похмелье очнулся на диване.

У нее. У Йеннифер.

Кажется, с тех пор прошла целая вечность. То же лицо, только зеркало другое. Пока воспоминания не настигли его...

Капли падали с мокрых волос, попадали на брови и скатывались по щекам. Он взглянул в глаза своему отражению. Заглянул глубоко. Зеркало души, если верить патетической поговорке. Но в таком случае глаза бы выдали его, а этого, очевидно, пока не произошло. Его глаза были добрыми – так ему говорили. Мю частенько повторяла: «У тебя добрые глаза». Эти глаза молчали о темной жажде, которая змеей свернулась у него в животе. О стремлении к доминированию, контролю, о мыслях, которые он долго вынашивал в себе, но сейчас смог вытеснить из головы. После того, что произошло с Йеннифер. У него не было привычки пускаться в глубокие философские рассуждения, но в последнее время он раз за разом мысленно возвращался к вопросу: кто он вообще такой?

В кого он превратился? Или во что?

Сквош, который обычно его просто выматывал, сегодня вечером выбил его из колеи. Не собственно игра, а то, что случилось после. В раздевалке. Коллега, только что выигравший в трех сетах подряд, вышел из душа и сел рядом с Билли на скамейку, как был – с полотенцем на бедрах и мокрыми волосами. Билли решил принять душ дома. Он был гораздо сильнее раздосадован проигрышем, чем мог себе признать. Три сета подряд, такого не случалось уже много лет. Он, вероятно, заболел, или что-то в этом роде.

– Эй, ты же знаком с Йеннифер? Хольмгрен? – спросил его коллега, вытаскивая из спортивной сумки дезодорант. Билли остолбенел, начисто забыв о проигранном матче. Эта тема – минное поле. Что произошло?

– Да, мы несколько раз вместе работали, а что?

Это была правда, но не вся. Далеко не вся. Они еще и спали вместе несколько раз. Чаше, чем вместе работали. А последний раз превратился в кромешный ад.

– Слышал, что случилось?

– Нет. Что?

Стук в дверь раздался в тот же миг, как она распахнулась. Они никогда не запирались. Мю считала это необязательным, их ведь в квартире было только двое, и каждый знал, занята ванная или нет. Билли отпрянул от зеркала, словно она застала его за каким-то предосудительным занятием. Что было не так уж далеко от истины.

– Чем ты здесь занимаешься?

– Ничем.

– Мне нужно почистить зубы, я хочу уже пойти лечь спать.

Мю проскользнула в ванную, взяла свою электрическую щетку и выдавила пасту на ее круглую головку.

– Ты посмотрел ссылку, которую я тебе скинула?

Она протиснулась мимо Билли к раковине, вывернула кран, и подставила щетку под струю воды. Билли усилием воли привел мысли к состоянию «здесь и сейчас». Заставил свой голос звучать заинтересованно, вовлечено.

– Само собой. Какую из них?

– Я сегодня тебе послала только одну. Тэребода. – Ее голос звучал так, словно Мю была на приеме у стоматолога – она пыталась удержать во рту пенную массу. – Белый деревянный дом с участком пляжа.

Билли кивнул, словно теперь, когда она пояснила, сразу вспомнил, о чем идет речь. Может быть, Мю и отправила ему сегодня только одну ссылку, но истина заключалась в том, что Билли давно уже не читал ничего из того, что она ему присылала. Тем не менее Мю собиралась специально выстроить такой маршрут, чтобы в какой-нибудь выходной день они могли объехать сразу несколько объектов, и тот, что придется ей по душе, им надлежало приобрести в собственность. Так что Билли нужно было изо всех сил казаться заинтересованным.

Он должен был обсуждать ремонт и перспективы пляжного участка.

Он должен был сопровождать ее в банк, чтобы оформить заем.

Он должен был улыбаться и кивать, когда Мю рассуждала о том, как их будущие дети полюбят проводить там лето.

Он действительно должен был желать этого.

Совместного будущего. Он ее любил. Последние месяцы он действительно очень сильно старался. Оставить все в прошлом. Быть собой. Тем, кого она полюбила. Простым, порядочным парнем без заморочек.

«Еще не поздно», – уговаривал он сам себя.

Мю хотела летний дом, а она обычно получала то, чего хотела. Они познакомились на празднике Мидсоммар в прошлом году. В октябре она решила, что им нужно съехаться, а в мае этого года, спустя одиннадцать месяцев после знакомства, они поженились.

В июне Билли ей изменил.

С Йеннифер.

С Йеннифер, которая знала.

Знала, что с Билли что-то произошло в тот момент, когда ему пришлось застрелить Эдварда Хинде, спасая Ванью и Чарльза Седерквиста, спасая себя самого. Он поймал кайф от пьянящего ощущения власти. Власти над жизнью и смертью.

Йеннифер понимала.

Она помогала ему. Проживать свои фантазии о контроле и доминировании в связке с сексом и физическим наслаждением. Помогала змее утолять свой голод, а Билли – оставаться уравновешенным.

Пока он не напился.

Пока все не полетело к чертям.

Он понял, что до сих пор ничего не ответил. По поводу белого деревянного дома в Тэребод. Мю сплюнула в раковину и обеспокоенно взглянула на Билли.

– Что случилось?

– Ничего.

– Уверен? Ты ведешь себя странно с тех пор, как вернулся с тренировки.

Так очевидно, что она заметила. Это же ее работа. Читать людей, толковать их, помогать раскрывать свой потенциал. Она была хороша. Хороша для него. Он не хотел ей лгать. Но ей необязательно знать все. Полуправда – еще не ложь.

– Ты помнишь Йеннифер? С которой я пару раз работал?

Еще бы ей не помнить, Билли же постоянно о ней говорил, и Мю было известно, что эти двое пересекались и вне работы.

– Да, а что с ней? – проницательно спросила Мю.

– Говорят, она могла утонуть.

– Что?

– Во Франции. Несчастный случай. Ты же знаешь, она занималась фридайвингом.

– Боже мой, какой ужас, – выговорила Мю и прильнула к нему, чтобы обнять. – Мне так жаль. Я знаю, она тебе нравилась.

– Да, это так.

Они немного постояли в тишине, а потом Мю немного ослабила объятие и взглянула ему в глаза.

– Это еще не точно? Я имею в виду, ее не нашли?

– Ее не нашли, но обнаружили ее одежду рядом с одной системой пещер. Все зависит от того, что именно произошло, но я предполагаю, что ее могло унести течением.

Мю издала глубокий вздох, встала на цыпочки и легонько чмокнула Билли в губы.

– Бедняжка.

Билли не знал, кого она имела в виду – Йеннифер, или его самого. Мю снова заключила его в утешающие объятия. Она никогда не должна узнать правду. Как бы это ужасно ни звучало, со смертью Йеннифер во Франции Билли сможет оставить всю эту историю в прошлом. Начать уговаривать себя, что этого никогда не было. Переписать начисто.

Еще не поздно.

* * *

Сала.

Здесь есть, или, во всяком случае, когда-то был серебряный рудник. Этим исчерпывались знания Себастиана о городе, в котором он по случаю оказался. Этим, да еще тем, что в полумиле от города, в большом четырехэтажном здании серо-бежевого цвета расположился двухзвездный отель. Отель не делал попыток выглядеть сколько-нибудь привлекательно, как снаружи, так и внутри. Если бы номер был на несколько квадратных метров меньше, он вполне мог бы называться чуланом. Четыре стены были выкрашены в никотиново-желтый цвет – этот нюанс придавал им дополнительной неряшливости. Единственным украшением служила репродукция какой-то картины Карла Ларссона в ужасной раме. Поддон, призванный служить ночным столиком – сбоку от узкой кровати. Маленький пузатый телевизор на угловой полке в изножье. Никаких попыток скрыть провода, как от телевизора, так и от обоих светильников. Ванная, в которой Себастиан при определенном уровне ловкости мог развернуться, не врезавшись в стену. Очевидно, сейчас книготорговля не слишком процветала, но чтобы дела шли так плохо... В общем, дело было за тем, чтобы расслабиться и получать удовольствие, как выразился заведующий книжным магазином, когда в беседе с Себастианом была затронута проблема издания бумажных книг.

Расслабиться и получать удовольствие.

Себастиан принял существующее положение.

Возможно, даже смирился с ним, но он, черт возьми, не может и не должен получать от этого удовольствие.

Он больше не был сотрудником Госкомиссии. Торкель вконец устал. Или лучше сказать, Ванья устала от Себастиана, так что Торкелю пришлось сделать выбор. Он выбрал Ванью. Вполне логично, на месте Торкеля Себастиан поступил бы так же. Странно было, что ему удалось продержаться там целых полтора года. Притом, будем честны – он не слишком напрягался, чтобы называться работником месяца.

Ванья. Его дочь.

Он не видел ее с самого июня.

Он помнил чувство, с которым оставил ее в гараже под Вотерфронт и уехал в начинном взрывчаткой автомобиле. Ему казалось, что он видит Ванью в последний раз.

Что она исчезнет из его жизни.

Навсегда.

Кажется, так и случилось. Он долго надеялся, что Ванья соберется навестить его, узнать, как он себя чувствует, но она так и не появилась. Было совершенно ясно, что она не хочет иметь с ним ничего общего.

Его вина, определено. Как всегда.

Ему представилось так много шансов наладить с ней отношения, а он не воспользовался ни единым! Себастиан прекрасно сознавал, что всегда делал неправильный выбор, всегда все сам себе портил. Но всякий раз, как он начинал ощущать что-то, отдаленно похожее на счастье, или хотя бы довольство, на него наваливалось чувство вины.

Он упустил ее.

Свою вторую дочь.

Держал маленькую ручку в своей руке, но упустил, и ее унесла вода.

Он этого не заслужил.

Ложь, и он знал это. Но знать о проблеме и предпринимать какие-то действия для ее разрешения – это разные вещи. Поэтому он продолжал.

Он вообще не участвовал в сверхурочной работе по их последнему делу. «Реалити-маньяк», Давид Лагергрэн, человек, который убивал, чтобы привлечь внимание к отуплению и инфантилизации общества, но кончил как террорист. Суд состоялся в сентябре, и вполне ожидаемо Лагергрэн был приговорен к пожизненному сроку заключения. Себастиан подозревал, что приговор еще не скоро вступит в законную силу.

Единственный положительный момент в связи с Лагергрэном – во всех репортажах сообщалось, что Себастиан играл важную роль в расследовании, а что касается поимки преступника – так и вообще главную. Его имиджу не повредила даже безумная гонка, окончившаяся взрывом в заливе Риддарфьярден. Скучным на события летом этой теме были посвящены несколько ток-шоу и новостных эфиров.

Его старое издательство напомнило о себе в августе. У публики проснулся определенный интерес к книгам Себастиана об Эдварде Хинде, поэтому в издательстве интересовались, не хотел бы Себастиан написать еще одну? Возможно, о Лагергрэне? Себастиан ответил вежливым, но твердым отказом. Он не желал привлекать еще больше внимания к этому человеку, тем более, что существовали темы, которые занимали Себастиана гораздо сильнее.

Ральф Свенссон, к примеру.

Человек, убивший четырех женщин по поручению Хинде.

Женщин, с которыми Себастиана связывали пусть и очень короткие, но личные, интимные отношения.

Помимо этого, Свенссон убил еще и старого приятеля и коллегу Себастиана – Тролле Херманссона.

Издательство ухватило за идею. Логическое продолжение существующих книг, да еще и с привязкой к личности автора, интимно и откровенно. Хоть Себастиан и не имел намерения писать ни интимно, ни откровенно, предложение он все же принял, и приступил к работе. Про-

водил дни напролет в квартире, в своем кабинете, который много лет пустовал. Себастиан долгое время пользовался только гостевой спальней, кухней и ванной в своем жилище. Остальные комнаты слишком о многом ему напоминали. О других временах. Более счастливых. Просто счастливых. Единственных счастливых временах, что у него были.

С Лили и их дочерью. Они и пожить здесь успели недолго, после свадьбы переехали в Кельн. Но все же здесь они проводили вместе время. У Сабины была своя комната. Ванья в ней тоже провела несколько ночей.

Тогда, когда еще не испытывала к нему ненависти.

Пока он все не уничтожил.

«Ученик», так он назовет книгу. С подзаголовком: «Наследие Эдварда Хинде». Пока что Себастиан занимался лишь исследовательской частью работы, и готовился к первому интервью с Ральфом, которое было назначено на следующую неделю.

У него были дела.

Себастиан взглянул на ноутбук, лежавший на кровати, но тут же отбросил идею. Так следовало поступить и с предложением издательства об организации небольшого авторского лекционного турне. Шесть населенных пунктов за две недели. Одновременно с перевыпуском старых книг ограниченным тиражом.

Он на это согласился.

Вот почему теперь он сидит в этом унылом гостиничном номере в Сале.

Единственный книжный в городе был достоин посещения. Магазин с широким ассортиментом всего в паре шагов от центральной площади Стура Торьет. Персонал, излучавший неподдельную радость от его визита. Сорок человек слушателей, возможно, сорок пять. В основном женщины, конечно, как и на всех прочих культурных мероприятиях в любой части страны.

Не то чтобы Себастиан жаловался.

Если у него было желание, успех у женщин был ему обеспечен. А желание обычно присутствовало. Практически всегда.

Охота, преследование и последующий секс по-прежнему оставались в числе вещей, способных его ненадолго взбодрить.

Ненадолго заполнить пустоту. Приглушить боль.

В книжный пришли внимательные и заинтересованные читатели. Особенно одна дама, на вид около пятидесяти, сидевшая справа от импровизированной сцены. Она первая задала вопрос, когда до этого дошло дело, а в конце подошла за автографом сразу с двумя его книгами. Старое издание, отметил Себастиан, приобретенное еще до скачка его популярности в связи с делом «реалити-маньяка».

– Подпишите для Магды, – попросила она, и одарила его улыбкой, которую Себастиан истолковал, как восторженную. Черт возьми, дело пойдет как по маслу!

– Это вы? – спросил Себастиан, и послал даме улыбку в ответ.

– Да, и не могли бы вы добавить что-нибудь личное, если вам не трудно, – сказала дама, и посмотрела ему в глаза.

Он набросал на форзаце целую новеллу, и продолжил разговор с дамой, подписывая книги прочих ожидавших в очереди читателей. Они вместе покинули книжный магазин, и дама поинтересовалась, где он остановился. Себастиан признался, и она сочувственно сообщила ему, что в Сале, оказывается, были отели и получше.

Себастиан искренне на это надеялся. Ради самой Салы.

Его размышления были прерваны звонком по Скайпу. Ему даже не нужно было смотреть на экран, чтобы понять, кто это. Он мысленно прикинул, есть ли у него силы на разговор, получил сам от себя положительный ответ и принял звонок. На экране возникла Урсула.

– Привет, я тебя не разбудила?

– Ничего страшного, – отозвался Себастиан, понимая, что поступил правильно, ответив на звонок. Он был рад видеть Урсулу.

– Где ты вообще находишься? – поинтересовалась Урсула, обшарив взглядом экран и не узнав окружающую Себастиана обстановку.

– В говнотеле, в Сале.

– Что ты там забыл?

– Это по моим писательским делам. А ты что подельываешь?

– Я все еще на службе.

– Да, вижу.

Он узнал стену за ее спиной. Урсула сидела в конференц-зале на третьем этаже, который они никогда не называли иначе, как «Комната». Особое место в Госкомиссии, где команда имела обыкновение обобщать информацию о делах, над которыми работала. Себастиан внезапно осознал, что скучает по этому. В целом. По работе и по коллегам. Но это не имеет никакого смысла – ведь ему, вероятнее всего, больше туда дороги нет.

– Все еще затишье, или уже зашивается?

– Я помогаю группе по нераскрытым преступлениям с одним делом.

Это означало, что у Госкомиссии пока нет новых расследований, а Урсула до сих пор не обзавелась личной жизнью. Себастиану не следовало глубже погружаться в эту тему. Она позвонила ему поздним вечером, чтобы поговорить. Она думала о нем. Ему стоило бы быть благодарным за это. Но благодарность, равно как и умеренность, Себастиану не были свойственны.

– Так Торкель не рядом?

Урсула фыркнула, подалась вперед и немного понизила голос, что было совершенно необязательно. Себастиан с трудом мог представить себе, что в такое время она в конторе была не одна. Особенно в Комнате.

– Он уходит с работы ровно в пять часов вечера каждый день, с тех пор как съехался с Лисе-Лотте, – тихим голосом ответила Урсула.

Себастиан отметил про себя, что она, по крайней мере, не сказала «с этой Лисе-Лотте». Уже шаг вперед, но все равно он услышал в голосе Урсулы нотки ревности, когда речь зашла о новой пассии Торкеля. А может быть, он себе это только вообразил. Сама Урсула положила конец отношениям с Торкелем. Этот факт, однако, не должен был автоматически означать, что она желает ему обрести счастье с кем-то другим. Возможно – мелочно, возможно – глупо, но Урсула тоже человек, а люди бывают и мелочны, и глупы.

– Когда домой?

– Завтра.

– Не хочешь увидеться? Пообедать, например?

– Почему нет?

Урсула коротко рассмеялась.

– Не строй только планов!

Прежде, чем Себастиан успел ответить, в дверь постучали.

– Кто это?

– Обслуживание номеров.

– В говнотеле? В такое время?

Он порой забывал, что Урсула в своей профессии была чертовски хороша.

– Мне нужно заканчивать. Увидимся завтра.

Прежде, чем Урсула успела еще что-нибудь спросить или высказать протест, он захлопнул ноутбук. Себастиан улыбнулся своим мыслям. Несмотря ни на что, он все же ухитрился не отмежеваться от всех и каждого. Ему нравилась Урсула. За годы их знакомства бывало всякое, но в последнее время их отношения стабилизировались и пришли к чему-то, что нельзя было

определить иначе, как дружба. Даже если целью этой дружбы было снова заполучить ее в свою кровать. Не потому, что Себастиан по ней скучал в сексуальном плане, и не потому, что секс мог бы сделать их ближе друг к другу. Просто все было настолько очевидно, что Себастиану пришлось бы побороться. Играть в свою игру лучше, чем, вероятно, когда-либо раньше, просто ради того, чтобы победить. Урсула была для него вызовом.

«Сегодняшний вечер, напротив, обещал пойти совершенно по другому сценарию», – сказал себе Себастиан, открывая дверь в коридор. За дверью стояла Магда. Из книжного.

Себастиан не знал ее фамилии. Даже не подумал выяснить. Он снял свою куртку с крючка у двери и перекинул через плечо.

– Выпьем где-нибудь, или поедем? – поинтересовался он, выходя в коридор. Он не собирався оставлять ей ни единого шанса остаться в его номере.

Эта дыра не годилась даже для того, чтобы потрахаться.

* * *

Билли лежал без сна, глядя в потолок, и пытался успокоить дыхание. Он бросил быстрый взгляд в сторону Мю. Она спокойно спала, как обычно с левой стороны кровати. Значит, он не издал ни звука.

Не закричал.

Этого не случилось уже какое-то время, а теперь снова произошло. Билли предположил, что это реакция на разговор в раздевалке и все произошедшее после. Мю поинтересовалась, не хочет ли он об этом поговорить, но оказалась достаточно мудра, чтобы не настаивать, когда Билли ответил отказом. Тем не менее весь остаток вечера она провела рядом, понимающая и близкая. Обычно она засыпала, как только голова ее касалась подушки, но сегодня она проявляла заботу и ласку – лежала рядом и гладила его по голове. Близко. Кожа к коже. Рядом, если вдруг понадобится ему.

Она ему подходила. Она была много лучше, чем он заслуживал. Но он справится. Время превратит все произошедшее в далекое воспоминание. Оно исчезнет, растворится. Станет тихим шепотом, который Билли научится игнорировать.

Так он уснул.

Но во сне все не было затянуто дымкой. Ничего абстрактного или нереального. Никаких сглаженных углов, приглушенных тонов. Наоборот. Невыносимая четкость и детализация.

Сон привел его в прошлое.

Он мчится из ванной через всю квартиру в спальню Йеннифер, где она голая лежит на кровати. Руки за головой, пристегнуты к изголовью кровати наручниками. Ноги врозь, привязаны тонкими кожаными ремнями. Он дышит так тяжело, что дрожит. Вытягивает руку, чтобы коснуться ее плеча. Но медлит.

Туда, в тот день.

Темно-фиолетовые пятна на ее шее. Следы его пальцев. Спереди два четких отпечатка, сомкнувшиеся под гортанью. Ее лицо. Кончик языка, высунувшийся между высохшими губами. Кровеносный сосуд, лопнувший под кожей. Неподвижно застывшие глаза, от которых негде спрятаться...

Билли отбросил в сторону одеяло, и сел в кровати. Сегодня уснуть больше не удастся. Отчаяние вновь захлестнуло его, почти такое же сильное и парализующее, как тогда.

Когда это случилось.

Он не мог вспомнить все в деталях с того момента, как обнаружил ее, не мог сказать, сколько времени прошло, прежде чем он смог обрести над собой некую форму контроля. Он помнит собственные абсурдно бытовые мысли – как он пропустит поезд на западное побере-

жье, и Мю на него рассердится – и как эти мысли перемежались прозрением о случившемся. О том, что он натворил.

Йеннифер была мертва.

Он убил ее.

Подступившая паника в сочетании с похмельем заставили Билли вывернуться наизнанку. Когда он закончил обнимать унитаз и выполоскал вкус рвоты изо рта, ему пришло в голову, что нужно сообщить кому-нибудь. Позвонить в полицию, коллегам. Рассказать все. Объяснить, что это был несчастный случай. Но Билли сдержался. Нет практически никакой разницы, был умысел или нет.

Она была так или иначе мертва, а убил ее он.

Он потеряет все. Работу, Мю, друзей – все.

Он помнит, как вернулся в гостиную, кричал и плакал, сжимая пальцами виски в попытках обрести ясность мышления.

Поступить правильно или спасти себя?

Внутренняя борьба.

Наконец он решился. Он помнит этот миг. Он сидел на ее диване, и взгляд его упал на спортивное снаряжение Йеннифер – альпеншток и карабины на стене. Он не просто решился, он уже начал разрабатывать свой план. Он знал, что будет делать. Что должен сделать.

Он спасет себя, спасет то, что у него есть.

Билли встал с кровати и вышел из спальни, тихонько прикрыл за собой дверь и прокрался к ноутбуку, оставленному на кухонном столе. Теперь, когда Йеннифер официально считалась пропавшей, или даже предположительно умершей, возникает риск, что кто-то сможет систематизировать информацию о последних месяцах ее жизни. Билли не должен был допустить ошибок.

Он уселся, раскрыл ноутбук и ввел пароль. План был прост, а вот его воплощение, напротив, потребовало времени и специфических навыков.

Билли решил создавать видимость жизни Йеннифер в Сети.

Он созвонился с Мю и объяснил, что вынужден задержаться еще на неделю в связи с работой по делу реалити-маньяка. Прокурор желает, чтобы расследование было проведено без малейшей погрешности. Она, конечно, была разочарована, и предложила вернуться в Стокгольм, чтобы составить ему компанию. Билли сумел выкрутиться, убедил ее остаться на побережье и общаться с друзьями, как и планировалось, а он должен был присоединиться при первой возможности.

Так он выкроил неделю для реализации своего плана.

Билли собрал телефон, компьютер, банковские карты и картридер, и прочие принадлежавшие Йеннифер вещи, которые могли ему понадобиться. Выяснил, как часто Йеннифер обновляла социальные сети. Ему повезло. «Инстаграм» – всего раз в неделю и «Фейсбук» примерно так же. У нее имелась переписка в Мессенджере, но и там не было ничего, с чем он не мог бы справиться. Сложный момент мог наступить в случае, если бы кто-то позвонил, но удача вновь оказалась на стороне Билли. Ее ближайший круг предпочитал поддерживать связь при помощи смс и в Снапчате. В случае если кто-то хотел поговорить, Билли просто пропускал звонок, а потом посредством смс интересовался – вы пытались связаться со мной, это было что-то важное? Обычно важности никакой не было, и дальнейшее общение сводилось к обмену парой текстовых сообщений.

Неделю, проведенную в Стокгольме, Билли посвятил спорадическому обновлению соцсетей. Йеннифер частенько выкладывала фото, на которых сама она отсутствовала, и Билли этим воспользовался. Иногда он все же понимал, что вынужден сделать селфи. Не так уж часто – это требовало времени и было рискованно. Нужно было выдержать верные пропорции – свет и расстояние. Современная техника определенно делала это предприятие проще. Сейчас ведь

были такие возможности обработки фото и видеоматериалов, что, если этим занимался профессионал, было в принципе невозможно отличить подделку.

Оставшееся время Билли посвятил чтению блога Йеннифер, чтобы изучить ее стиль: как она привыкла выражать свои мысли, какие использовала сокращения и эмодзи. Он ухитрился уклониться от нескольких приглашений на коктейль, в сауну и на барбекю. В общем и целом выходило, что никто не подвергал сомнению физическое существование Йеннифер.

Через неделю он поехал к Мю на западное побережье. Здесь ему пришлось труднее всего. Пока он был один в Стокгольме, ему так хорошо удавалось сконцентрироваться на решаемой проблеме, что он почти забыл, что вообще послужило причиной всей этой деятельности. Но когда он вернулся в реальный мир, все стало сложнее. Обычные люди, общение, приятели, дети приятелей, мини-гольф, прогулки, ночи с Мю. Иногда Билли казалось, что он смотрит на все происходящее со стороны, и на себя в том числе. И что произошедшие с ним перемены очевидны для всех. Что он так сильно старается держаться естественно, что получает обратный результат.

Обновляя соцсети, он упомянул о намерении Йеннифер в скором времени уехать из Стокгольма.

Одежда и личные вещи Йеннифер обнаружили позже, чем рассчитывал Билли. Он намеренно выбрал пещеру, сложную для погружения и еще не до конца изученную, а потому редко посещаемую.

В середине июля он поехал во Францию.

Примерно за неделю до поездки он предусмотрел «потерю» телефона Йеннифер, и от ее имени попросил всех желающих поддерживать связь посредством Мессенджера. После этого ему какое-то время не пришлось больше обновлять социальные сети. Потом Йеннифер снова возникла, и рассказала о покупке автобусного тура во Францию, но ни словом не обмолвилась о намерении погружаться там в пещеру.

Франция стала для Билли вызовом.

Сначала нужно было улизнуть почти на неделю, не возбуждая подозрений у Мю, потом выдумать несуществующий тур для Йеннифер без всяких ссылок на автобусную компанию, чтобы потом с этим было сложнее разобраться. Затем нужно было забронировать отель с автоматической регистрацией постояльцев и без камер видеонаблюдения на входе, зарегистрироваться поздно, выехать рано, чтобы у как можно меньшего числа постояльцев был шанс столкнуться с Йеннифер. С осторожностью использовать кредитную карту Йеннифер.

Через четыре дня Билли закончил все приготовления, и Йеннифер пропала.

По слухам, когда в начале августа Йеннифер не появилась на работе, о ее исчезновении заявил отец. С тех пор все утихло.

До сегодняшнего происшествия.

Теперь наконец нашлись ее вещи, которые Билли оставил неподалеку от сложнопроходимой подводной пещеры. Очень безответственно нырять в одиночку в таких местах, но, зная Йеннифер, никто бы не усомнился, что она могла так поступить.

Ради кайфа, вызова, адреналина.

Во всяком случае, Билли на это надеялся.

Теперь он просматривал все ее соцсети. Несколько постов на ее Фейсбуке о том, что невозможно поверить в то, что с ней произошло, что все надеются на ее возвращение. Билли не нашел у себя ошибок. Никто не задумался, что фактически не видел Йеннифер, начиная с конца июня.

– Чем ты занимаешься?

Билли подскочил, услышав голос Мю. Он убедился, что Мю не видит экран, и молниеносно открыл какую-то рабочую вкладку.

– Работаю. Не смог заснуть.

Мю подошла к нему и обняла за плечи, бросив беглый взгляд на экран, а потом наклонилась и чмокнула его в макушку.

– Из-за Йеннифер?

– Думаю, да.

– Хочешь, побуду с тобой?

Он положил руку ей на поясницу и вздохнул:

– Нет, иди ложись.

Она молча кивнула, но осталась на месте. Тайна разъедала его изнутри. Но скоро она уже не будет стоять между ними. Когда несчастный случай в пещере станет официальной версией того, что произошло с Йеннифер, Билли сможет убедить себя в том, что это действительно правда. Булькающий под поверхностью воды крик превратится в тихий шепот, в этом Билли был убежден.

Они никогда не найдут ее тело.

Об этом Билли тоже пришлось позаботиться в ту самую неделю в Стокгольме.

Это была очень насыщенная неделя.

14 октября

Уже вчера.
Это было предательство.
Для вас обоих. Мне не повезло.
Было не уснуть.
Хотелось выйти. Наверх.
Помнишь, как летними ночами мы сидели на крыше?
Смотрели на город.
В основном молча, но иногда разговаривали.
Обо всем. О будущем.
Мы никогда не задумывались, каким оно будет коротким.
Приехала полиция. Туда, откуда спаслась Клара. Мне было их видно.
Будет жаль, если они найдут какую-нибудь зацепку.
Если они уже близко.
Мне нужно больше времени.
Мне казалось, оно у меня есть.
Мы с тобой так думали.
Теми летними ночами на крыше.
О Евле пока ничего не слышно.
Так что им будет чем заняться.
Но тут не о чем рассуждать.
Я продолжаю все по плану.
Еще ничего не кончено.
Но скоро будет.
Завтра я еду в Вестерос.

* * *

Себастиан захлопнул за собой коричневую деревянную дверь отеля. Молодой человек за стойкой улыбнулся ему, когда Себастиан поравнялся с рецепцией.

– Доброе утро! – так певуче и бодро поздоровался юноша, что Себастиан сразу его ненавидел лишь за эти слова. Юноша оглянулся и, не дождавшись ответа от Себастиана, продолжил: – К вам посетитель!

Себастиан застыл на месте. Его первым побуждением было развернуться и уйти. Сбежать. Никто не мог прийти к нему в гости здесь. Никто, кроме Магды. Она что, успела в отель раньше его? Проснулась в одиночестве, почувствовала себя использованной, взяла такси, не удовлетворившись уготованной ей ролью. Он прокрутил в памяти минувший вечер и ночь. У Магды были его книги, и она довольно много знала о нем. Выражала заинтересованность.

Может быть, чрезмерную?

Если это была Магда, Себастиан надеялся, что она решила устроить скандал. Это он мог бы пережить. Как если бы она настаивала на каком-то продолжении отношений, ставя его в затруднительное положение. Боже, Себастиан уже достаточно навидался женщин, ожидавших слишком многого от приключения на одну ночь. Последняя из них сейчас отбывала срок в женской тюрьме в Истаде за попытку убийства Урсулы.

– Так это вы.

Себастиан повернулся лицом к коридору, ведущему во внутренние помещения отеля. У стены стояли два черных кожаных кресла с маленьким низким столиком между ними, на

котором лежала кипа бесплатных газет для постояльцев. В одном из кресел сидела женщина. Не Магда. «Около сорока на вид», – оценил Себастиан. «Темные волосы до плеч, голубые глаза и красивая фигура, угадывающаяся под пальто», – продолжал свои наблюдения Себастиан, а тем временем гостя отложила в сторону газету и выбралась из кресла.

– Вы меня не узнаете, – констатировала женщина, и сделала шаг навстречу Себастиану с легкой улыбкой на губах.

– Нет, – честно ответил Себастиан.

Откуда он должен ее знать? Может быть, она посещала мероприятие в книжном магазине прошлым вечером? Но тогда он бы обратил на нее внимание. Она выглядела куда интереснее скучноватой Магды, с которой Себастиан провел эту ночь.

– Анне-Ли Юландер, мы встречались в Лунде.

Пояснение не помогло Себастиану. Он спал с ней?

Возможно. Вполне вероятно. Ожидаемо.

Но это все равно никак не объясняло ее появления в гостинице, в Сале, в полшестого утра. Когда он в последний раз был в Лунде? Много лет назад.

– Вы помогли нам вести расследование, – продолжила объяснять Анне-Ли.

– Вы служите в полиции Лунда, – быстро предположил Себастиан и тут же утратил к госте интерес, когда стало ясно, что предмет их будущего разговора связан с работой.

– Я теперь служу в Уппсале.

– Ясно.

– Вы уже завтракали?

Позавтракать Себастиан еще не успел. Магда еще спала, когда около пяти часов утра он тихонько выбрался на улицу. Он сверился с картой в своем смартфоне и понял, что пешая прогулка до отеля займет у него едва ли сорок минут времени. Себастиан надеялся, что прогулка пойдет ему на пользу, поможет удержать хрупкое чувство удовлетворения, но уже на полпути по пустым темным улицам он вновь ощутил тяжесть и опустошение. Поэтому, в надежде застать в буквальном смысле лучезарный восход солнца, Себастиан решил сделать крюк, но когда добрался до отеля, было все так же темно.

Темно и уныло.

Но Себастиан здесь не останется, он уже решил. Сразу в номер, сложить вещи и выезжать. Как вдруг возникла Анне-Ли.

– Я не завтракаю, – отозвался Себастиан. Это было неправдой, но он равно не имел желания продлевать свое пребывание в Сале, как и выяснять причину интереса к своей персоне сотрудников Уппсальской полиции.

– А я – да, – с улыбкой сказала Анне-Ли. Окинув взглядом пространство вокруг себя, она взяла его под руку и добавила:

– Только не здесь.

* * *

– Нет, – ответ был исчерпывающим. Не оставлял возможности для толкования или неверного понимания, но Анне-Ли, очевидно, не собиралась так просто сдаваться.

– Почему? – поинтересовалась она тоном более любопытствующим, чем разочарованным, надкусывая купленный сэндвич с авокадо.

– Я не хочу.

Простая истина.

Себастиан опустил на стол чашку с кофе – единственное, что он заказал в кафе, в которое Анне-Ли его притащила. В зале сидели лишь они двое, да еще четверо клиентов. Было все еще очень рано.

– Что я могу сделать, чтобы вы передумали? – спросила Анне-Ли, глядя ему в глаза поверх кромки стакана с морковным соком. В вопросе не было ни малейшего намека на сексуальный подтекст или приглашение, поэтому Себастиан счел за лучшее притвориться, что и он ничего такого не услышал.

– Как вы разыскали меня? – спросил он вместо ответа.

– Я позвонила Торкелю Хеглунду, и он сказал, что вы больше не сотрудничаете с ним, и сейчас пишете книгу. Это так?

Ответ удивил его. То, что Торкелю это известно. Наверное, Урсула рассказала. Себастиану стало любопытно, спрашивал ли сам Торкель о нем, или же Урсула рассказала по собственному желанию. Не то чтобы это имело какое-нибудь значение. Из всех бывших коллег сучал он точно не по Торкелю.

– Потом я позвонила в ваше издательство, и они сообщили мне, что вы находитесь здесь, – продолжила Анне-Ли, не дождавшись от Себастиана никакой реакции.

– Почему бы вам было просто не позвонить мне? – полюбопытствовал Себастиан.

– А вы бы ответили?

– Нет.

– Перезвонили бы мне?

– Нет.

Анне-Ли снова улыбнулась ему, как будто его неприкрытая незаинтересованность в диалоге ее забавляла.

– Дорога сюда заняла у меня всего сорок пять минут, – сообщила она, пожав плечами. – Я подумала, что вам будет сложнее ответить мне отказом лично, – продолжила она, шаря взглядом по разделявшему их пространству стола, – в особенности, если я угощу вас завтраком.

– Нет, все обстоит совсем не так, – отозвался Себастиан. – Это я вас угощаю.

Улыбка исчезла с ее лица. Она взяла салфетку и промокнула рот, прежде чем наклониться поближе к Себастиану. Теперь серьезно.

– У нас два жестоких изнасилования и одна попытка, все в течение месяца. Он не остановится. Пострадают и другие женщины. Он – животное.

– Таких много, – пожал плечами Себастиан.

– И вы не чувствуете за собой ответственности сделать хотя бы попытку остановить тех, кого возможно остановить? – спросила Анне-Ли, вновь с искренним любопытством в голосе.

Себастиан встретился с ней взглядом. Истина состояла в том, что он не ощущал ответственности. Он не мог быть в ответе за мир. Его действиями не руководила тяга сделать мир лучше. Он отвечал за себя и свои действия, и никогда не понимал людей, которые «стыдятся быть шведами», если кто-то из соотечественников облажался, или «стыдятся быть людьми» в других случаях, или вообще стыдятся от чьего-то имени. Он не верил в общность вины. А также в коллективную ответственность. Себастиан отдавал себе отчет, что если станет объяснять все это Анне-Ли, то предстанет перед ней ровно таким эгоистичным и бесчувственным, каким и являлся на самом деле, а ему внезапно по неясной причине захотелось не оставлять о себе у этой женщины дурного впечатления.

– Я больше не сотрудничаю с полицией, – уклончиво ответил он и, опустив взгляд, сделал глоток кофе.

– И это ваш выбор?

Себастиан вопросительно посмотрел на Анне-Ли. Стало ясно, что отвечать он не намерен, поэтому она продолжила:

– Забросить работу в Госкомиссии ради турне по книжным магазинам в провинции и лекций о заплесневевших книгах?

Себастиан хранил молчание. Анне-Ли отодвинула тарелку, скрестила пальцы под подбородком и метнула в Себастиана быстрый взгляд.

– Я прочла ваши книги. Они неплохи, вы – способный писатель, но также чертовски хороший криминальный психолог.

– Я – лучший, – задумчиво согласился Себастиан.

– Так почему бы вам не заняться тем, в чем вам нет равных, чем перебиваться не слишком успешным для себя занятием?

– Потому что я не хочу.

– Что ж, ладно, в любом случае я попыталась, – сказала она и откинулась назад. – Попытаю счастья с другим. С Перссоном Риддарстольпе.

– Он придурок, – отозвался Себастиан, не в силах сдержать усмешку. – И мне известно, к чему вы клоните.

– К чему же? – удивилась Анне-Ли, вновь продемонстрировав свою очаровательную улыбку.

– Вы используете мою известную неприязнь к Риддарстольпе, чтобы вынудить меня согласиться работать с вами. Это не пройдет.

– Ну что же, тогда давайте завершим наш завтрак на приятной ноте и отправимся каждый по своим делам. – Анне-Ли взяла в руки кофейную чашку и откинулась на спинку сиденья. – Смотрели в последнее время какое-нибудь хорошее кино?

Себастиан изучал ее. Она не была похожа на других полицейских, с которыми ему довелось работать. Теперь ему стало ясно, почему он внезапно озаботился тем, чтобы не оставить о себе дурного впечатления. Анне-Ли ему понравилась. Но он никогда не станет на нее работать, а она не станет с ним спать, так что они поступят, как и сказала Анне-Ли – завершат завтрак на приятной ноте и разбегутся.

У нее зазвонил мобильный. Анне-Ли достала его из сумочки, взглянула на дисплей и, не извиняясь, ответила:

– Да, Ванья, что случилось?

Анне-Ли отвернулась от Себастиана, слушая ответ, но он едва ли обратил на это внимание. Верно ли он расслышал?

Это была Ванья? Его Ванья?

Она теперь работает в Уппсале?

Себастиану было известно, что она решила взять тайм-аут в Госкомиссии, но они с Урсулой не обсуждали местонахождение Ваньи. Себастиан не интересовался, Урсула не рассказывала. Анне-Ли завершила разговор сообщением о том, что будет на работе к девяти, и положила телефон на стол, опять-таки не сказав ни слова извинения.

– Кто это был? – любопытствовал Себастиан в самом нейтральном, как ему хотелось бы думать, тоне.

– Одна из моих следователей. Вы должны быть знакомы, она перешла к нам на работу из Госкомиссии. Ее зовут Ванья.

– Ванья Литнер.

– Да, это она. Хорошая девочка.

Себастиан был последним, кто поверил бы во вмешательство высших сил, судьбу или случай, но это... Ванья в Уппсале и работает над делом, за которое его только что умоляли взяться. Этим утром из всех возможных мест шанс настиг его здесь, в Сале.

Новый шанс.

Последний.

Себастиан взял чашку и прислонился к спинке стула, стараясь не выглядеть чересчур возбужденным.

– Я еще раз все обдумал, пока вы разговаривали, – начал он и сделал глоток кофе, словно ему требовалось время для того, чтобы верно подобрать слова. – Значит, вы считаете, что этот человек потенциально опаснее Хагаманнена?

Анне-Ли смотрела на него в растерянности. В чем она была уверена, так это в том, что Себастиан передумал не из-за нее, это было очевидно.

– Если он станет продолжать – да, – отозвалась она с надеждой в голосе.

Себастиан кивнул, как будто пришел к соглашению с самим собой, и встретился взглядом с Анне-Ли.

– Ладно, рассказывайте.

* * *

– Ты же не серьезно, черт побери?!

Было неясно, к кому она обращается, но так как Ванья уставилась именно на него, как только он вошел в контору, Себастиан предположил, что и этот краткий выпад был адресован ему, пусть за его появление здесь и была в ответе Анне-Ли.

Он размышлял о том, какой будет их встреча, когда машина завернула на Свартбэкстаган и остановилась у современного девятиэтажного здания со стеклянным фасадом, которое, согласно вывескам на нем, полиция делила с управлением исполнения наказаний и прокуратурой.

Он замешкался в машине, нервничая перед встречей. Сможет ли он казаться удивленным, словно не имел понятия о том, что Ванья теперь работает здесь, и именно над этим делом? Если бы ему было известно об этом, он никогда не согласился бы на предложение Анне-Ли. Себастиан быстро забросил эту идею. Ложь – это меньшее из зол, в ней он хорошо поднаторел, но вот изобразить удивление так, чтобы у Ваньи не закралось сомнений, – с этим он вряд ли смог бы справиться. К тому же Анне-Ли могла моментально разоблачить эту ложь, рассказав Ванье, что в Сале упоминала ее имя.

Анне-Ли постучала по ветровому стеклу, Себастиан вылез из машины, и после необходимой процедуры регистрации последовал за Анне-Ли к лифтам. Он решил придерживаться тактики деликатного сближения. Начать с того, что понимает – Ванье не по душе оказаться с ним рядом, продолжить обещанием быть просто коллегами, признать прошлые ошибки и пообещать измениться и стать лучше.

Так он решил поступить.

Однако он едва успел выйти из лифта, а тем более что-то сказать. Ванья заметила их еще на подходе к офису, и от него не укрылось, что она словно окаменела. Ее глаза потемнели, плечи взметнулись вверх, и она будто приняла бойцовскую стойку, когда за Себастианом и Анне-Ли закрылась дверь в офис. Анне-Ли еще не успела представить своего спутника, как Ванья выпалила свой вопрос относительно серьезности ее намерений привлечь его к работе. Анне-Ли коротко взглянула на нее, прежде чем указать рукой на мужчину лет тридцати пяти, сидевшего за письменным столом у окна.

– Это Карлос Рохас, мой ближайший помощник, – отрекомендовала она. Мужчина поднялся из-за стола и подошел к Себастиану, протягивая руку для приветствия. Себастиан отметил, что на новом знакомом было надето как минимум три свитера.

– А это Себастиан Бергман, криминальный психолог, он будет нам помогать, – продолжила Анне-Ли, снимая пальто.

– Привет, добро пожаловать, – поздоровался Карлос, вопросительно взглянув на Анне-Ли. Она не услышала слов Ваньи? Не станет комментировать ее реакцию?

– Спасибо, – ответил Себастиан и пожал протянутую руку. Рука была ледяной, как будто Карлос только что вернулся с улицы зимой, побывав там без перчаток.

– Ванья, можно тебя на пару слов? – произнесла Анне-Ли нейтральным тоном, и кивком указала на свой кабинет – огороженный прозрачными стенками письменный стол в комплекте с двумя стульями для посетителей и стеллажом.

– Здравствуй, Ванья, – сделал робкую попытку Себастиан, но она лишь метнула в него злобный взгляд по пути в кабинет своего шефа.

Указав Ванье на один из вегнеровских⁴ стульев для посетителей, Анне-Ли повесила пальто. Ванья опустилась на стул, оказавшись спиной к ожидавшим снаружи Карлосу и Себастиану. Стекло стены не давали того ощущения уединения, какого хотелось бы Ванье. Ей казалось, что спиной она ощущает взгляд Себастиана, но поворачиваться, чтобы проверить, так ли это, она не стала.

– Ладно, слушаю, – произнесла Анне-Ли, заняв место напротив Ваньи.

С чего начать? Рассказать, как Себастиан раз за разом умолял ее пустить его в свою жизнь, чтобы в итоге только навредить? Как он обещал стараться изо всех сил, чтобы в итоге вновь ее предать? Как она чувствовала себя то ли оскорбленной, то ли проклятой, когда раз за разом приходилось снова с ним встречаться. Сколько нужно всего рассказать?

Об Анне, Вальдемаре и Себастиане. Маме, папе и папе.

– Во-первых, он мой отец.

Откуда-то нужно было начать, и эта информация показалась ей наиболее важной.

– Правда? – брови Анне-Ли взметнулись вверх.

– Да.

Анне-Ли выглянула в офис. Карлос показывал Себастиану рабочее место. Она снова повернулась к Ванье, и кивком велела ей продолжать. Очевидно, само родство с Себастианом как факт не могло служить причиной столь сильной реакции Ваньи на его появление.

Ванья решила не опускать руки.

– Он практикует беспорядочные половые связи. Много раз спал с фигурантами наших дел – свидетелями, прокурорами, родственниками – со всеми. Он чудовищно непрофессионален.

– Ценная информация, – согласилась Анне-Ли. Ванья ожидала от нее другой реакции. Она чувствовала, что начинает сердиться. Она что, действительно должна сидеть здесь и объяснять, почему Себастиана Бергмана и близко нельзя подпускать к расследованию, да и вообще к обычным людям?

– Он высокомерный, эгоистичный, бесстыжий, сексист... я не знаю, что еще нужно сказать. Он ходячая бомба для психологического климата в подразделении.

– Я руковожу этим подразделением, так что все бомбы должны падать на мой стол.

Ванья обреченно вздохнула – ей не удалось убедить Анне-Ли. Та, очевидно, приняла решение, и слова Ваньи уже не играли совершенно никакой роли.

– Он задевал меня лично. Много раз, – выдавила она из себя в последней попытке достучаться до начальницы хотя бы в личном плане. – Из-за него мне пришлось покинуть Госкомиссию.

Что было правдой лишь отчасти. Весной Ванье стало ясно, что шаблон следует разорвать. Заняться чем-то новым. В общем и целом это решение больше было связано с желанием разобрататься, чего Ванья на самом деле хочет и кто она, найти себя, хоть сама Ванья никогда бы в этом не призналась.

Первым шагом в этом направлении стал уход из Госкомиссии. Но возможность Себастиана постоянно присутствовать в следственном процессе только упрочила это решение. Анне-Ли поймала ее взгляд и слегка нагнулась вперед.

– Я услышала тебя, Ванья. Я сама в курсе многого из того, о чем ты сказала.

Она встала и подошла к окну, устремив взгляд на круговую развязку внизу.

---

⁴ Датского дизайнера Ханса Вегнера (1914–2007) часто называют «королем стульев и кресел» – за свою жизнь он спроектировал более 500 моделей.

– Но лишь вопрос времени, когда пресса до всего этого докопается. И к тому моменту я должна буду сделать все, что в моих силах. А привлечь лучшего в Швеции специалиста по психологическому профилированию – это шаг в верном направлении.

Ванья поймала себя на том, что кивает. Чисто с полицейской точки зрения в словах Анне-Ли безусловно был резон.

– Если бы ты могла отделить личное от работы, – продолжала Анне-Ли, глядя ей в глаза, – неужели он не хорош в своем деле?

Ванья никоим образом не желала быть причастной к появлению Себастиана в Уппсале, рядом с собой, так что она ничего не стала отвечать, что само по себе уже было ответом.

– Он будет держать член в штанах, и относиться к людям с уважением, пока здесь работает.

– Удачи с этим, – фыркнула Ванья.

– Но вопрос состоит в том, – продолжала Анне-Ли, пропустив мимо ушей выпад Ваньи, – сможешь ли ты с ним работать.

– Скорее, нет.

– Мне жаль, Ванья, но это был вопрос, на который следует отвечать однозначно.

* * *

Наутро они старались вести себя как обычно. Будто ничего не произошло. Ради Виктора. Встали в обычное время, приготовили завтрак, сложили его спортивную сумку.

Накануне они не сразу смогли уснуть. Они с Заком долго лежали без сна, шепотом переговариваясь над головой спящего между ними сына. Зак уснул около половины второго и, к своему удивлению, Клара тоже смогла подремать несколько часов, поэтому утром чувствовала себя бодрее. Может быть, помогла рутина, бытовые хлопоты. Ради Виктора пришлось вести себя как ни в чем не бывало. Зак интересовался, как они проведут день, если он возьмет на работе отгул и вернется домой после того, как отведет сына в школу? Они решили проводить Виктора вдвоем. Когда они распрощались с мальчиком, Зак снова поинтересовался, чем они будут заниматься. Чего бы хотелось Кларе.

Кларе хотелось поведать Иду.

Менее месяца назад, когда ей через десятые руки стало известно о произошедшем на кладбище, она некоторое время колебалась, решая, следует ли просто позвонить Иде или лучше встретиться, но в итоге не стала делать ни того, ни другого. Теперь ей захотелось навестить Иду.

Она не совсем понимала зачем.

Просто ей казалось это правильным.

Зак пошел вместе с ней. Они договорились, что он зайдет за Кларой через час. Если ей захочется побыть подольше, она скинет ему сообщение.

Увидев свою старую приятельницу, Клара впала практически в шоковое состояние. Ида выглядела изможденной – темные круги под глазами, бледно-серая кожа, сальные волосы свисают безжизненными сосульками, словно Ида давно не принимала душ. К тому же она сильно исхудала. Конечно, это могло произойти и до нападения – Клара ведь не видела Иду уже несколько лет – но у нее сложилось впечатление, что это не случайность. Ида не выразила сильного восторга по поводу визита подруги, а вместо приветствия произнесла:

– А, это ты.

За этим последовало краткое объятие и приглашение пройти в квартиру.

Клара сидела в кухне у Иды, где провела так много часов, когда они тесно общались.

Все было по-прежнему. Полукруглый кухонный стол у стены, белые стулья, у противоположной стены – комод с миниатюрной оловянной посудой и фигурками Иисуса и Марии,

на стене над которым висела доска для записей. Кремовые фасады мебели, микроволновка стоит на столешнице светлого дерева. Клара не заметила перемен со времени своего последнего визита.

– Почему? Это единственное, о чем я могу думать, – сказала Ида, разливая кофе по чашкам. Кларе почудилось, что от приятельницы исходит едва заметный запах помойки. – Почему это случилось? Почему именно со мной?

– Ты с кем-то об этом говорила? – участливо спросила Клара, протянув руку за пакетом молока.

– В общем нет, – отозвалась Ида, с кофейником в руках возвращаясь к кофемашине. – Мама предлагала приехать ненадолго, но я отказалась.

– Почему же? Тебе не пришлось бы быть одной.

Почему? Этот вопрос Ида задавала себе сама. Вне всяких сомнений, в первые недели, когда каждый непонятный звук в доме, каждый шаг по лестнице заставляли ее вздрагивать, было бы прекрасно, если бы рядом кто-то был. Но она не хотела этого. Ей скорее хотелось бы, чтобы никто не знал о случившемся.

– Она бы не смогла с этим справиться, ей пришлось бы тяжелее, чем мне, – попыталась улыбнуться Ида, возвращаясь к столу. – И я не хотела бы, чтобы она начала относиться ко мне иначе.

Хотя теперь все стало иначе.

Тело более или менее вернулось к своим обычным ритмам. Она перестала постоянно дрожать и внезапно просыпаться по ночам. Ей все еще приходилось заставлять себя поесть, но тем не менее она это делала.

С чувствами было сложнее. Ей стало сложно концентрировать внимание, приходилось балансировать между противоположными эмоциями. Она могла разозлиться или обидеться по любому поводу. Мысли ее стремились постоянно к одному и тому же.

Почему?

Почему это случилось?

Почему именно со мной?

Она молилась. Больше, чем когда-либо в своей жизни. Ей нужна была помощь, чтобы понять, чтобы излечиться. Но она не получила ответов на свои вопросы. Пыталась найти утешение в Библии. Не хотела идти в церковь. Не хотела, чтобы люди опускали глаза и жалели ее.

Или еще хуже: думали, что она это заслужила.

Что это было справедливой карой за что-то.

Ида знала, что Господь не наказывает людей таким образом, что Иисус взял все грехи на себя и достаточно попросить прощения, чтобы его получить. Но не все прихожане представляли это именно так. Некоторые верили в справедливо карающего Господа. Это она не могла обсуждать с Кларой. Много лет назад они пересекались в церкви, но Клара избрала другой путь.

– Кто-нибудь из церкви помогает тебе? – поинтересовалась Клара, словно прочтя мысли старой подруги.

– Я вижу с кем-нибудь в магазине раз в неделю. Не решаюсь выходить на улицу одна.

Это Кларе было понятно. Она почувствовала, как сильно переживает, как только Зак покинул ее на крыльце дома. Как страх ползет за ней по пятам. Ида, должно быть, ощущает все острее во сто крат.

– Иногда я даже не могу заставить себя вынести мусор, – озвучила Ида мысли подруги. Практически все за стенами дома заставляет заново переживать нападение. Звуки, запахи, люди. Решение – оставаться дома. Ее мир сузился до двух комнат и кухни. Она встала, чтобы заново наполнить чашки. – Ты не могла бы прихватить мусор с собой, когда будешь уходить?

– Конечно. Как ты считаешь, то, что напали на нас обеих, – это совпадение?

Он просто вырвался. Этот вопрос. Когда Клара услышала свой голос, у нее возникло чувство, что именно за ответом на этот вопрос она сюда и пришла, сама того не понимая. Пытаясь найти связь.

– Что же еще это может быть? – ответила Ида. – Разве ты не сказала, что есть и третья потерпевшая?

– Да, какая-то Тереза...

– Которую мы совсем не знаем, – прервала ее Ида.

– Нет.

– Вот так-то.

В кухне повисла тишина. Ида вновь поместила кофейник в кофемашину и стояла рядом, не желая возвращаться за стол. По правде говоря, она испытывала смешанные чувства по поводу визита подруги. Сразу после того, как Клара объяснила причину своего внезапного появления и описала случившееся с ней минувшим вечером, у Иды в голове возник знакомый вопрос.

Почему именно я?

Но теперь к нему присоединился тоненький голосок, который спрашивал:

– Почему не она?

Она пыталась не думать о том, что это несправедливо. Что желать другим людям зла плохо. Но Клара повернулась к Богу спиной. Оставила церковь и общину, ушла и не оглянулась. А Ида никогда не сомневалась, ни единого раза. И ее изнасиловали.

– Послушай, мне очень жаль, но я действительно устала, – сказала Ида, давая подруге понять, что визит окончен. Клара кивнула и поднялась.

– Конечно, я понимаю.

Ида проводила ее до двери, и в тишине наблюдала, как Клара обувает туфли и надевает верхнюю одежду. Потом Клара подхватила два мусорных мешка, и замешкалась, положив ладонь на дверную ручку.

– Звони мне, если тебе что-то понадобится или нужна будет какая-то помощь.

Они обе знали, что этого не произойдет.

Ида заперла за Кларой дверь на замок и цепочку и отправилась на кухню убирать со стола. Могло получиться вполне сносно.

Старая знакомая пыталась реанимировать общение.

Протянула руку.

Все могло стать по-прежнему.

Но ее жизнь уже никогда не станет прежней. Этот человек уничтожил ее за несколько минут. Ида сделала глубокий вдох и попыталась отогнать мысли. Отодвинуть в сторону. Иногда ей это удавалось. Убедить себя в том, что она не потеряла надежду.

Она выжила.

Все изменится к лучшему.

Самое плохое уже позади.

Она подошла к раковине и сполоснула чашки, не подозревая о том, как сильно ошибается.

* * *

Рашид выбрался из машины и отыскал взглядом окно на третьем этаже. Жалюзи опущены. Конечно. Вздохнув про себя, он запер автомобиль и стал переходить улицу.

Управляющая компания назначила его контактным лицом для квартиросъемщиков около года назад. Идея заключалась в том, что по всем вопросам можно будет обращаться к

одному и тому же человеку. Что это упростит взаимодействие между квартиросъемщиками и домовладельцем. Что таким образом можно создать доверительные взаимоотношения.

В случае с Ребеккой Альм идея себя не слишком оправдала.

Он приезжал сюда уже в четвертый раз по одному и тому же вопросу.

Он набрал код, толкнул дверь, прошел к лифту и нажал на цифру 3.

Все квартиросъемщики разделяли мнение компании о том, что установка пожарных оповещателей в каждой квартире и оснащение квартир системами пожаротушения были своевременны, и приветствовали это начинание. Все, кроме Ребекки.

Она была абсолютно уверена, что в них вмонтированы камеры или другое следящее оборудование, и категорически не желала установки приборов. Рашид ни единым словом не обмолвился, насколько дремуче невежественной была эта позиция; напротив, он бесконечно терпеливо разъяснял, что речь идет о безопасности других квартиросъемщиков и что вопрос установки не может являться предметом переговоров. Так что, невзирая на громогласные протесты, системы все же были установлены. Неделю спустя Рашид решил под надуманным предлогом навестить Ребекку, чтобы проверить, все ли в порядке, и попал в точку: оповещатели были сняты. Начался довольно эмоциональный обмен мнениями, и в итоге был достигнут компромисс: Ребекка установит личный оповещатель собственными силами, но это должно быть сделано не позднее первого октября. Начиная с третьего числа Рашид пытался разыскать Ребекку, с тем чтобы нанести ей инспекционный визит, но она не отвечала на звонки и никаким другим образом не давала о себе знать.

Рашид вышел из лифта и направился к светлой деревянной двери с табличкой «Альм». Он позвонил и стал ждать, без особой надежды, что Ребекка откроет и что она вообще дома. Он позвонил еще раз, много раз, слыша, как трель звонка разливается за закрытой дверью. Никто не открыл. С тихим вздохом Рашид достал из кармана универсальный ключ. На случай, если компания не могла связаться с жильцами посредством звонков, смс-сообщений, электронной и обычной почты, по согласованию с юристами было принято решение о допуске сотрудников компании в квартиры без согласия жильцов. Это касалось безопасности всего дома.

Рашид еще разок позвонил, выждал десять секунд и, вставив ключ в скважину, повернул его. Он немного приоткрыл дверь и крикнул в щель:

– Ау! Ребекка! Это Рашид, я вхожу!

Никакого ответа. В квартире полная тишина. Рашид открыл дверь пошире и шагнул в тесную прихожую.

– Здравствуйте, Ребекка. Это Рашид. Вы дома?

Плотная тишина была ответом на его вопрос, так что, закрывая за собой дверь, он немного расслабился. Ему была практически безразлична Ребекка Альм, за тем исключением, что она стала бы протестовать против его появления в квартире с универсальным ключом. А так ему не придется ее утихомиривать, а также с большой вероятностью он сможет избежать заявления в полицию о незаконном проникновении.

Рашид вытер подошвы о придверный коврик и прошел вглубь квартиры, в гостиную, совмещенную с кухней, ремонт в которой проводился раз в два года. Рашид бросил взгляд на потолок над двухместным диваном и журнальным столиком. Никаких оповещателей. Он ощутил определенное разочарование, ведь он надеялся, что занимается этим вопросом в последний раз, но очевидно, это было не так. Рашид двинулся дальше, разглядывая мойку. Остатки завтрака выглядели так, будто стоят там уже какое-то время. Этот сладковатый душок, наверное, исходит от объедков.

Рашид приблизился к закрытой двери в спальню. Оповещатель должен был быть установлен в каждой комнате. Так как Рашид не нашел его в гостиной, он особенно и не надеялся увидеть оповещатель в спальне, но проверить был обязан. Он толкнул дверь и тут же попятился.

Она была дома.

Спала.

В голове Рашида засуетились мысли. Он не может ее разбудить, она испугается до смерти. Что же делать? Покинуть квартиру? Оставить дверь в спальню открытой и позвонить еще раз? Вернуться позже? А потом какая-то часть его мозга наконец осознала то, что он на самом деле увидел. Ребекка лежала на кровати, да, но она не спала. Так не спят.

Лежа животом на покрывале, ноги свисают с края кровати.

Обнажена ниже пояса, за исключением чулок на ногах.

С мешком на голове.

* * *

Торкель появился из тоннеля и зашагал вверх по Бергсгатан. Позже, чем он рассчитывал. Он немного проспал. Снова. Торкель спрятал жилистые руки в карманы пальто. Все жаловались на холод, на неестественно раннюю зиму, а Торкеля все это, напротив, бодрило. Ему было не на что жаловаться. Каждое утро Торкель просыпался с невероятным ощущением – и это факт.

Торкель был счастлив.

До настоящего времени он уже давным-давно не испытывал счастья, как сам он теперь понимал. У них с Ивонн были проблемы в течение многих лет, потом последовал развод, потом... Что было у него? Работа, отнимавшая большую часть его времени, и какое-то подобие отношений с Урсулой. Они периодически спали вместе, собственно, этим отношения и исчерпывались.

Он был одинок.

А Торкель плохо переносил одиночество.

Наступило лето, и по окончании работы над делом Давида Лагергрена Торкель помчался обратно в Ульрисехамн. К Лисе-Лотте. Там они пробыли несколько дней, а потом вместе поехали на пару недель в его летний домик неподалеку от Мьельбю. Вильма и Эллин приезжали погостить на несколько дней. Абсолютно добровольно. Эллин подрабатывала летом в ресторане в Седере, но в конце июля у нее была неделя отгулов. Она привезла с собой одного из официантов – своего бойфренда. Все прошло замечательно. Они не просто приняли Лисе-Лотте, она определенно им понравилась.

В последний вечер перед тем, как ему пришлось вернуться на работу – не у всех, в отличие от Лисе-Лотте, были летние каникулы, – они сидели на террасе, приканчивая бутылку вина, начатую еще в обед. Лисе-Лотте поставила свой бокал на стол и с серьезным видом повернулась к Торкелю.

– Ты только не волнуйся сейчас, – начала она, взяв его руку в свою. Теплой летней ночью Торкель ощутил ледяной холод. Это не сулило ничего хорошего. Всевозможные мысли закрубились в его голове. Все на одну тему.

Она собирает меня бросить.

Он знал, что так и будет. Все было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

Он ничего не сказал, просто, забывая дышать, глядел на Лисе-Лотте.

– Я тут подумала кое над чем, – продолжала она.

«Она точно собирает меня бросить», – думал Торкель.

– Меня на самом деле ничего не держит в Ульрисехамне.

Окей, переедет ближе к дочери или поедет работать за границу на пару лет. Немного лучше.

– Что ты скажешь, если я предложу переехать в Стокгольм? К тебе?

Вначале он думал, что не расслышал. Что он скажет?

Он ничего не мог бы желать сильнее.

– Я имею в виду, ты можешь подумать, что все происходит чересчур быстро, – про-должала Лисе-Лотте, озабоченно поглядывая на Торкеля. Тот внезапно осознал, что все еще ничего не ответил, хоть было уже самое время.

– Нет-нет-нет, я совсем так не думаю, – выпалил он. И снова замолчал. И тут же подумал, что она может истолковать молчание как сомнение. Подумать, что ему необходимо время, чтобы найти выход из ситуации. Что он подразумевает «но» – и далее любую отговорку. Подобные разговоры не были коньком Торкеля. – Я буду очень рад! – быстро добавил он.

– Очень рад, – повторила Лисе-Лотте с улыбкой, которая выдавала ее небольшое волнение. Торкель понял, что ситуация требует иных слов. Он попытался подобрать те, что соответствовали бы значимости момента, но он так редко в своей жизни произносил подобное, что оказался неуклюж.

– Я не смел на это даже надеяться, не то что предлагать, но я ничего не хочу сильнее этого. – Он встретился с ней взглядом и сжал ее ладонь в своей. – Я буду счастлив. Я тебя люблю.

Если уж смог сделать небольшое признание, хватило сил и на главное.

Так что теперь они жили в его квартире в Хорнстулле. Лисе-Лотте нашла новую работу в том же образовательном концерне – стала директором школы начально-среднего звена в Мэлархейдене. Они засыпали вместе по вечерам, просыпались вместе по утрам. Впервые за долгое время Торкель стремился домой после работы.

Он кому-то принадлежал.

И был счастлив.

– Доброе утро, – поприветствовал он Урсулу, открыв дверь к ним в офис.

– Скорее, добрый день, – отозвалась она, подняв голову от экрана компьютера. – Некоторые из нас присутствовали здесь, когда фактически наступило утро.

Торкель оставил дружескую шпильку без комментариев, молча снял шапку и, поправляя по пути узел галстука, направился в буфет с намерением выпить вторую чашку кофе.

– Тебе чего-нибудь принести? – поинтересовался он, кивая на буфет.

– Нет, ничего не нужно, – заверила его Урсула. – К тебе посетитель.

Торкель на мгновение замер. Посетитель? У него на сегодня ничего такого не было назначено. Может быть, Гунилла забыла внести что-то в его календарь? Это было на нее не похоже. Торкель бросил взгляд через плечо, на прозрачную перегородку своего кабинета.

За перегородкой на диване ждала Ванья.

Торкель не смог удержаться от довольной ухмылки. Они не виделись с того самого дня в июне, когда она объявила, что хочет попытаться найти себя где-то вдали от Госкомиссии. Ему не хватало Ваньи. Больше, чем он сам себе мог признаться. Торкель немедленно забыл о кофе и направился напрямик к своему кабинету. Когда он открыл дверь, Ванья уже вскочила.

– Какой приятный сюрприз! – он шагнул вперед и искренне обнял Ванью. – Ты здесь, просто чтобы навестить нас? – поинтересовался он, когда объятие закончилось.

– Да, или... еще кое для чего. Если мне будет позволено.

– Ты хочешь вернуться назад? – с надеждой в голосе спросил Торкель, указывая Ванье обратно на диван. Ванья села. – Ты хочешь этого? Начать сначала? – Торкель опустился в кресло напротив Ваньи.

– Да, я хочу вернуться, – подтвердила она, не в силах сдержать улыбку, глядя на то, как радуется Торкель.

– Мы тебе более чем рады, ты знаешь. Добро пожаловать! – сказал он. – Казалось, лишь усилие воли удерживает его от того, чтобы выпрыгнуть из кресла и захлопать в ладоши. – Но мне казалось, тебе и в Уппсале неплохо работается?

Ванья сделала глубокий вдох. Чем больше она размышляла, тем более невероятным ей это казалось. Семь регионов, тридцать районов и несчетное множество муниципалитетов. Пре-

ступления совершаются и расследуются по всей стране. Тем не менее Себастиану Бергману удалось оказаться именно там, где работала она.

– Так и было, – начала она свой рассказ. – У нас появился серийный насильник. Нападения...

– Разве? – прервал ее Торкель. – Я ничего об этом не слышал.

– Это лишь вопрос времени.

– Сколько их?

– Пока что три. Все в течение месяца, так что будут еще.

Торкель, посерьезнев, кивнул. Нападение, сопряженное с изнасилованием. Безусловно, сильнее всего пострадали жертвы преступника, однако подобные преступления вдобавок весьма существенным образом влияют на настроения в обществе: как минимум половина населения пребывает в страхе. Ни поджигатели автомобилей, ни бандитские разборки, ни организованная преступность не оказывают такого влияния. Они могут вселять в людей чувство неуверенности, раздуваемое прессой и политиками, жаждущими набрать побольше очков, но большинство населения все же осознает, что речь идет о внутренних проблемах в стране. Что же касается изнасилований... Если ты – женщина, значит, когда угодно и где угодно ты можешь стать следующей жертвой.

– Ну а теперь попробуй догадаться, – продолжала Ванья, – кого моя начальница пригласила помогать с расследованием.

Торкель мог вообразить себе только одного человека, чья персона могла заставить Ванью оставить свой пост посреди сложного расследования. Несмотря ни на что, она оставалась одной из лучших полицейских в Швеции.

– Не может быть, – сказал он.

– Да, – утвердительно кивнула Ванья.

– Себастиан? – Торкель вынужден был переспросить, чтобы быть точно уверенным, что они ведут речь об одном и том же человеке.

– Собственной весьма раздражающей персоной. Анне-Ли спросила, смогу ли я с ним работать, да или нет, и вот – я здесь, – слегка пожав плечами, завершила свой рассказ Ванья.

– Напомни мне отправить ей цветы, – пошутил Торкель.

Он понимал Ванью. С тех самых пор, как Торкель принял Себастиана обратно в ряды Госкомиссии тогда, в Вестеросе, тот являлся источником напряжения для всей группы, но сильнее всех пострадала Ванья.

Он в буквальном смысле изменил всю ее жизнь.

– Так я могу вернуться назад? – поинтересовалась Ванья. – Ты никого еще не взял на мое место?

– Не было причины. Мы все это время работали только с «висяками», но ничего крупного, собственного у нас не было.

Ванья выдохнула. Покинув Уппсалу, она помчалась прямо в Госкомиссию, гонимая страхом – не прервалась ли эта связь, сможет ли она рассчитывать на эту работу?

– Как вы тут все? – спросила она, выражая готовность быть более коммуникабельной и говорить на личные темы, когда самые важные вопросы были улажены.

– Думаю, неплохо, – отозвался Торкель, глядя сквозь прозрачную перегородку. Билли только что пришел, бросил рюкзак на стол и теперь стаскивал с себя куртку.

– Сегодня день опозданий или я что-то пропустила? – спросила Урсула, поглядывая на Билли, который только что повесил куртку на спинку своего стула.

– Я был дома вместе с Мю, нам нужно было кое с чем разобраться, – солгал Билли и, пошарив в рюкзаке, достал ноутбук. Истина же заключалась в том, что он не мог заснуть до полшестого, а проснулся через два часа, когда Мю уже убежала в спортзал, чтобы успеть потренироваться до первого клиента. Отчаяние и страх, с которыми он боролся всю ночь, никуда не

исчезли, и он посвятил еще час утра повторной и даже третичной перепроверке электронного следа, который Йеннифер оставляла за собой, пока не «исчезла».

Урсула подавила вздох. И так ясно, что Билли был с Мю. Не так уж давно она была единственной в их группе, у кого имелись прочные отношения. С Микке. Определенно скачкообразные и ограниченные: она регулярно была ему неверна, он был явно несчастлив, но тем не менее.

Торкель был в разводе с Ивонн.

Ванья и Билли – одиночки.

Так все обстояло совсем недавно.

Теперь Торкель каждое утро расписывал минувший вечер так, словно это было восьмое чудо света, даже если на самом деле они с подружкой просто поужинали и посмотрели телевизор. У Билли была Мю. Урсула никогда с ней не встречалась, но заметила, что Мю очень ловко вьет из него веревки, и было просто удивительно, почему Билли не звонит ей, чтобы посоветоваться, прежде чем высказать мнение по какому-то вопросу.

Теперь и Ванья вернулась.

Примерно час назад, когда Ванья возникла на пороге, Урсула как раз собиралась выпить кофе. Они успели пообщаться, и Урсула довольно быстро сделала раздражающее открытие: даже Ванья довольна своей жизнью. Ванья была не из тех, кто чересчур выставляет напоказ личную жизнь, но даже из услышанного минимума об европейском отпуске и Юнатане, с которым Ванья теперь будет вынуждена съехаться, так как ее собственная квартира еще полгода будет занята квартиросъемщиками, Урсула сделала свои выводы.

А чем сама Урсула занималась помимо работы?

Обычно лежала на диване с бокалом вина, поглядывая какой-нибудь сериальчик на Нетфликсе. Иногда бралась за книгу. Нужно называть вещи своими именами – она была одинока.

Она всегда была одинока, даже живя вместе с Микке и Беллой. Возможно, это был ее собственный выбор. Так что она не завидовала счастью коллег. По большому счету, не так много времени она посвящала мыслям о них вне работы.

Кроме Торкеля.

О нем она иногда думала.

Между ними, так или иначе, было что-то. Не то, чего бы ему хотелось. Лишь то, что она могла дать. Чего, конечно же, было недостаточно. Ни для кого бы не было достаточно.

За одним исключением.

И этим исключением был Себастиан.

Зазвонил мобильник. У Билли. Она слышала звонок, слышала его ответ, но не зафиксировала. Годы, проведенные в условиях открытого офисного пространства, привили Урсуле привычку фильтровать то, что лично к ней отношения не имело. Однако в этот раз было в голосе Билли нечто новое, что пробудило в ней любопытство.

– Чего он хочет?

Всего три коротких слова, но его голос уже звучит иначе. Напряженно.

– Почему?

Урсула бросила взгляд в сторону Билли. Он выпрямил спину, словно готовясь в любой момент вскочить со стула. Готовясь к бегству.

– Он сейчас здесь?

Определенно напряжен, об этом говорит как голос, так и сигналы его тела.

– Нет, нет, я спускаюсь.

Он повесил трубку, встал с места и направился к двери. Урсула проводила его взглядом. Кто бы ни ждал Билли внизу, с этим человеком он точно не хотел встречаться.

* * *

Билли прошел через автоматическую дверь-вертушку и очутился в приемной. Он кинул быстрый взгляд на Тамару за стойкой, и она указала ему на мужчину лет пятидесяти пяти на вид, в джинсах и бордовой куртке-бомбере, надетой поверх вязаного свитера. Он сидел на одной из прикрепленных к стенам скамеек возле входа, держа на коленях портфель, шапку, шарф и варежки. Посетитель встал сразу, как только заметил Билли, а Билли в тот же момент понял, кто перед ним. Он подошел к посетителю вплотную и протянул ему руку.

– Здравствуйте. Билли Русэн. Вы искали меня?

– Да, я Конни Хольмгрен, отец Йеннифер.

– Точно, я так и подумал, когда вас увидел, – ответил Билли как можно непринужденнее. – Я видел вас на фотографии дома у Йеннифер.

Очень неплохо упомянуть о том, что он бывал там. Пусть все выглядит как нормальные товарищеские отношения между коллегами. Самая удачная ложь – та, что ближе всего к правде. Подтверждать все, особенно если нужны будут доказательства. Молчать или отрицать как можно меньше, только то, что абсолютно необходимо обойти молчанием или отрицать.

Как, например, если ты задушил кого-то по пьяни во время секса.

Конни кивнул, словно подтверждая, что это было весьма вероятно, а затем поднял на Билли глаза, полные печали и отчаяния. Билли только сейчас обратил внимание, что они опухли от слез.

– Ты, может быть, слышал о том, что случилось...

– Да, я вчера узнал. Это... ужасно. Я не знаю, что сказать. Это так страшно...

Конни ничего не ответил, просто кивнул, больше для себя.

– У вас нет новой информации? – спросил Билли, с правильно, как ему хотелось бы верить, подобранной интонацией в голосе.

– Нет, ничего нет, – покачал головой Конни. – Начальство Йеннифер в Сигтуне на связи с французской полицией, но пока что...

Он не закончил предложение, словно на мгновение растворился в собственных мыслях, а Билли не знал, что сказать.

– Ужасно... – повторил он, чтобы заполнить возникшую паузу и, возможно, подтолкнуть Конни к тому, чтобы он изложил причину своего визита. Это не помогло. Мужчина продолжал стоять молча, устремив взгляд вдаль.

– Могу я чем-то вам помочь? – еще через несколько наполненных тягостным молчанием секунд спросил Билли.

– Ты ведь знал ее, правда? Вы общались, – начал Конни, вновь отыскав взглядом глаза Билли. Билли подумал, не является ли слово «общались» эвфемизмом для «были любовниками» в устах Конни. Глаза последнего, однако, не давали подсказки.

– Да, она работала с нами несколько раз, и впоследствии мы поддерживали контакт, – подтвердил Билли.

Конни, похоже, остался удовлетворен ответом. Билли немного расслабился, не похоже было, что ее отец в курсе. Было бы странно, если бы был. Какая взрослая женщина станет рассказывать отцу о своей интимной жизни?

– Она говорила о тебе, – продолжил Конни.

Билли кивнул. Говорила что? Как много? Она не упоминала его ни в смс, ни в Мессенджере в чате с родителями, это Билли было доподлинно известно. А вот о чем Йеннифер говорила, когда они с родителями виделись физически, он не имел понятия. Ему придется двигаться дальше осторожно, наощупь.

– Да, мы поддерживали контакт, как я и сказал, иногда пересекались.

– Она говорила, ты здесь занимаешься техническими вопросами, – сказал Конни, сопровождая слова жестом, как бы заключающим здание в круг. – Компьютеры и все такое.

– Да, так и есть. В основном.

– Я хотел бы показать тебе кое-что, – пояснил Конни и повернулся к скамье, на которой оставил свой портфель. – Мы можем куда-нибудь пойти? Я рассказал это ее начальнику в Сигтуне, но там не слишком заинтересовались, – сказал Конни, открывая портфель.

Они выбрали место у окна в кафе на Польшемсгатан. Билли заказал две чашки кофе, к которым никто из них, однако, не притронулся. Конни отодвинул вазу с цветами, и положил на стол два листа бумаги.

– Посмотри вот сюда, – поманил он Билли и, когда тот подался вперед, развернул к нему первый лист. Это была распечатанная фотография из Инстаграма Йеннифер. Одна из тех, что Билли выкладывал на той неделе в конце июня, когда был один в Стокгольме.

Селфи. С острова Лонгхольмен⁵.

Улыбка Йеннифер в нижнем правом углу, на заднем плане – мост Вестербрун и бликующая вода.

– А теперь взгляни сюда, – подвинул Конни другой лист. Тоже фото Йеннифер, только более раннее, сделанное ею самостоятельно. Билли сразу же его узнал. Это было весной, в Осло. Тоже вода на заднем плане, поэтому Билли и выбрал его, чтобы вырезать изображение Йеннифер, а потом приклеить его на картинку с Лонгхольменом. Билли немного его уменьшил, настроил подходящий свет и зеркально отобразил ее фигуру, но это была по сути одна и та же фотография.

– Это одно и то же фото, – слова Конни прозвучали как эхо мыслей Билли.

– Что вы имеете в виду? – Билли не смел поднять голову и встретиться взглядом с Конни. – Они же совершенно не похожи.

– Это одно и то же изображение Йеннифер.

– Я не уверен, что понимаю вас... – выдавил из себя Билли и отважился поднять глаза. Голос его не дрогнул, так, может, и лицо не подведет?

– Кто-то подделал фото, – заявил Конни, указывая на селфи Йеннифер с Лонгхольмена. – Посмотри на волосы. Они развеваются точно таким же образом, только здесь... – он показал на фотографию из Осло – ветер дует справа, а на другой фотографии – слева. Изображение отзеркалено.

По той причине, что сигтунское начальство Йеннифер явно не поверило Конни, Билли также окинул его скептическим взглядом, прежде чем склониться над двумя фотографиями для более тщательного изучения. Теперь он видел ясно. Ветер сзади придал волосам Йеннифер характерный и, нужно признать, легко узнаваемый вид. Как он мог это упустить? Билли проклинал себя. Это ведь так легко можно было исправить.

– Так что вы пытаетесь этим сказать?

Конни замялся. Билли прекрасно знал, к чему тот ведет, но понимал при этом, что Конни приходится быть осторожным в своих формулировках, так как то, что он пытался донести, звучало достаточно безумно. Сигтунская полиция уже умыла руки.

– Я хочу сказать вот что. Мы с Карин, моей женой, обсуждали это, когда заявили об исчезновении Йеннифер в августе. Мы не разговаривали с Йеннифер с конца июня. Мы трижды ей звонили, она ни разу не ответила, а вместо этого выходила на связь через смс, но никогда не перезванивала.

– И? – поторопил Билли.

---

⁵ Лонгхольмен – это остров, наиболее известен как бывшая тюрьма, позже преобразованная в общежитие. Там можно искупаться в водах озера Мэларен и погреться на пляже.

– Я разговаривал с некоторыми из ее друзей тогда, в начале августа, и еще вчера и сегодня. Никто не видел ее с 25-го июня.

Билли не ответил. Конни снова поставил указательный палец на распечатки.

– Если они в самом деле фальшивые, с ней могло что-то случиться уже в конце июня.

– Что, например? – поинтересовался Билли и вопросительно глянул на отца Йеннифер. – Она по собственной воле скрылась, или...

– Нет. – Конни ухитрился объединить в тоне своего голоса оживление и разочарование. – Если бы она добровольно скрывалась, не было бы причин подделывать фотографии.

Конни глубоко вздохнул, прекрасно осознавая, что выглядит как человек, не желающий смириться с гибелью своей дочери, во всяком случае, не с такой, и хватающийся за малейшую соломинку, лишь бы убежать от правды.

– Я понимаю, как это звучит, но... – он снова отыскал взглядом глаза Билли и впервые с начала их беседы как будто снова был готов заплакать. – Она любила адреналин. Любила вызов, но никогда не стала бы нырять одна в неразведанной пещере во Франции. Она не была безответственной.

Билли только кивнул, а про себя быстро анализировал ситуацию. Определенно, ему чертовски повезло, что отец Йеннифер пришел именно к нему. Конни не производил впечатление человека, который быстро опускает руки. Рано или поздно кто-то поверил бы ему и стал бы копаться в обстоятельствах исчезновения и смерти Йеннифер. Теперь этим кем-то станет Билли. Единственное, что Конни было о нем известно, это то, что работа Билли в Госкомиссии связана с техническими вопросами. «Компьютеры и все такое», если быть точным. Тот факт, что Конни ни на мгновение не мог допустить, что Билли мог быть замешан в этом деле, Билли мог объяснить лишь тем, что он служил в полиции. А большинство людей справедливо полагают, что полицейские не совершают жестоких преступлений. Билли пока еще не знал, что будет с этим делать, но если он согласится помочь Конни, то сможет выиграть немного времени.

– Это звучит довольно убедительно, – задумчиво произнес Билли, словно продолжая размышлять, принимать на веру слова Конни или же нет. – Мне на самом деле нравилась Йеннифер, так что я могу посмотреть на них повнимательнее и подумать, что с этим можно сделать.

– Благодарю, благодарю, – в голосе немолодого человека ясно слышались благодарность и облегчение – он, вероятнее всего, готовился к очередному отказу. – Я помогу тебе получить доступ ко всей ее истории на Фейсбуке и в других соцсетях начиная с конца июня, – продолжил Конни. – Ты сможешь просмотреть ее посты, если понадобится.

Билли только кивал, все еще не совсем понимая, как он собирается с этим разбираться, но единственное, что он точно знал, – он не хотел больше сидеть в кафе в компании убитого горем отца Йеннифер. Вдруг, словно по заказу, ожил мобильник Билли. Он ответил. Звонил Торкель.

Это был звонок из другой жизни.

* * *

«Ванья все еще на месте», – отметил вернувшись в Комнату Билли, второпях плюхаясь на свободный стул у двери.

– Извините, что я пропустил?

– Ничего, мы ждали тебя, – отозвался Торкель, поднимаясь со своего места на другом конце стола с тонкой папкой в руках. – Позвольте мне начать. Я чрезвычайно рад, что все мы снова собрались вместе, – сказал он, по очереди заглянув в глаза каждому из присутствующих. – Это действительно прекрасное ощущение.

Урсула уже готова была вставить ремарку о том, что для полноты картины не хватает Себастиана, но передумала. Подобный комментарий однозначно разрушит до сей поры приятную атмосферу в коллективе.

– Что, ты теперь снова с нами? – спросил Билли у Ваньи, потянувшись за стаканом воды, стоявшим на столе.

– Да, я снова в строю.

– Здорово. Но почему? Я думал, тебе нравится в Уппсале.

– Мне там нравилось. Поговорим об этом позже.

– К сожалению, мы будем вынуждены поговорить об этом прямо сейчас, – вступил Торкель. – Сегодня утром в квартире в Евле был обнаружен труп, – пояснил он, глядя на Ванью, которая подтянула к себе папку и раскрыла ее. Ванья наморщила лоб. Во взгляде Торкеля читалась практически мольба о прощении. Словно он знал, что ей не понравится то, что Торкель собирался сказать.

Труп в Евле.

Как это может быть связано с ее решением покинуть Уппсалу?

Евле, очевидно, относится к полицейскому округу Евлеборг, который, в свою очередь, входит в состав полицейского региона Митт, находящегося под управлением Уппсалы. Где в данный момент пребывают Анне-Ли и Себастиан. Все. И поэтому им предстоит обсуждать причину ее ухода? Такой вариант казался сильно притянутым за уши.

Как только Ванья увидела фотографии, выложенные Торкелем на стол, ей стало все ясно. Дело обстояло ровно наоборот.

– Да черт побери! – не сдержалась она. Урсула и Билли оба поглядели на нее с любопытством, но Ванья лишь сползла пониже на стуле, скрестила руки на груди и уперлась в нее подбородком, словно обиженный ребенок. Она недобро поглядела на Торкеля, вполне осознавая, какой поворот дела сулят эти фотографии.

– Ребекка Альм, – объявил Торкель, указав на фотографию женщины, лежавшей животом вниз на кровати.

Ноги свисают с края.

Обнажена до пояса, за исключением чулок.

С мешком на голове.

– Была обнаружена, как уже говорилось, сегодня утром, представителем управляющей компании. Это преступление незамедлительно связали с проводимым расследованием, так что оно также будет расследоваться в Уппсале.

– Анне-Ли займется им, – вставила Ванья.

– Именно, – кивком подтвердил Торкель.

– Кто-нибудь из вас пояснит, или нам нужно самим догадываться о том, что происходит? – спросила, глядя на Ванью, Урсула. Ванья взглянула на Торкеля, тот слегка пожал плечами и сделал неопределенный жест, которым, вероятно, давал ей добро на пояснения. Ванья вздохнула и выпрямилась на стуле.

– Мы расследовали серию изнасилований. Преступник усыплял жертв и надевал им на головы мешки. Такие же, как этот, – она указала на выложенные Торкелем фотографии. Билли нагнулся над столом и подтянул их к себе поближе. – Анне-Ли, мой тамошний шеф, пригласила Себастиана принять участие в расследовании, и именно поэтому я покинула Уппсалу, – заключила Ванья.

– А теперь она хочет подключить еще и нас, – констатировал Билли.

– По ее словам, вчера это был насильник, а сегодня уже с большой долей вероятности – убийца, – утвердительно кивнул Торкель.

– В этом она хороша, – заметила Ванья, – умеет привлечь помощь, которая ей необходима.

Ванье плохо удалось замаскировать свое разочарование похвалой. Использовать все имеющиеся ресурсы – правильно, но это означало, что Ванье вновь предстоит работать бок о бок с Себастианом Бергманом. Что всем им вновь предстоит работать с ним.

– Нам придется сделать это, – извиняющимся тоном произнес Торкель.

– Я это отлично понимаю, – отозвалась Ванья немного жестче, чем сама хотела.

– Так что ты думаешь? Как собираешься поступить? – спросил Торкель, собирая со стола фотографии Ребекки обратно в папку.

Что на самом деле думала Ванья? Каким-то странным образом она скорее ощущала покорность, нежели возмущение. Вероятно, не было никакого способа избежать встречи с Себастианом Бергманом. Раз за разом ему удавалось проникать в их расследования, подбираясь все ближе и ближе к команде и к ней самой. Неважно, сколько раз они пытались от него избавиться, он все равно всегда возвращался. Как чертов бумеранг. Если бы Ванья верила в высшие силы, карму или судьбу, она нашла бы некую предопределенность в том, что этот невыносимый говнюк снова должен был оказаться рядом с ней.

Как наказание.

Как испытание.

Как предназначение.

– Очевидно, мне от него никуда не деться, – резюмировала Ванья свои мысли, и слегка пожалала плечами.

– Есть другие подразделения, в которых ты могла бы получить работу, – сделал попытку Торкель.

Это так, но выжив ее из Упсалы, не собирается ли он выжить ее еще и из Госкомиссии? Это ее работа. Здесь она – дома. Не он. Существуют пределы той власти, которую она ему позволила иметь над своей жизнью. Время расправить плечи. Когда он вернулся в прошлый раз, она стала думать об уходе. Это было проще всего. Слишком трусливо.

– Нет, я в деле. Я выжму из этой ситуации все.

– Уверена?

Ванья молча кивнула.

– Я посмотрю, что можно сделать, когда мы будем на месте, но не уверен, что смогу требовать его отстранения.

– Я знаю.

– Хотя я и не думаю, что кто-то из присутствующих горит желанием снова с ним работать, – продолжил Торкель, глядя на Билли и Урсулу.

Билли согласно, но как-то отстраненно кивнул. Урсула почувствовала, что начинает злиться. Она была главной противницей возвращения Себастиана. Тогда. В первый раз. С того времени многое произошло, и когда взрослые люди решили дружить против него, она поняла, что больше не может отмалчиваться. И к дьяволу приятную атмосферу.

– Я вообще-то не имею ничего против работы с Себастианом, – спокойно произнесла она, пристально оглядывая коллег, одного за другим, словно приглашая к словесному поединку. Желаящих спорить не нашлось, только Ванья бросила на нее уничижительный взгляд, как на предательницу, а потом без слов встала и вышла из Комнаты.

– Ясно, значит, едем, – вздохнул Торкель, тоскуя по утраченному утреннему ощущению счастья. Как и всякий раз, когда в деле был замешан Себастиан Бергман.

* * *

В спальне все еще лежал труп.

Билли очнулся, стоя в дверях комнаты и глядя на него. Мертвая женщина на кровати. Невозможно отогнать эти мысли.

За рулем на пути в Евле – обычно требуется два часа, но Билли справился за полтора – он размышлял, не стоит ли завести разговор о Йеннифер. Они все-таки несколько раз работали вместе. Урсуле она даже нравилась, вспомнилось Билли. Наверное, самым естественным поступком было бы поинтересоваться у коллег, знают ли они о случившемся несчастье. В то же время Билли опасался, что по нему будет заметно – что-то не так. Мю ничего не заподозрила, но она и не полицейский, и не работала с ним бок о бок в течение многих лет.

К тому же Ванья – чертов детектор лжи! Фальшивый полутон, секундное сомнение – и она уже делает стойку, словно кобра.

Но если он сейчас не заговорит об этом, а впоследствии они узнают, что ему все было известно, это тоже будет выглядеть странно. Слова уже были готовы сорваться с его языка, как вдруг он замер.

Ванья знала, что он изменял жене.

Он признался ей в этом в мгновение слабости, когда совесть давила тяжким грузом. Сейчас ему казалось почти забавным то, что совесть его была отягчена изменой, но это было так, и это было с ним.

Рассказал ли он, с кем изменял?

Он вынужден об этом подумать. Нет, этого он не делал. Или? Он попытался восстановить в памяти ту ситуацию. Они сидели вдвоем, занятые поиском видеозаписей с пунктов оплаты, разыскивая жилой фургон.

Он признался.

Она спросила, с кем.

Он ответил... что это не имеет никакого значения.

Да, так оно и было. Он уверен. Так что вопрос вновь встал перед ним: завести речь о Йеннифер или нет?

– Вы слышали о Йеннифер? – спросила Ванья, избавив его от этой необходимости.

– Да, я слышала, – отозвалась Урсула. – Ужасно. Вы ведь общались и помимо работы? – повернулась она к Билли.

– Я встречался с ней несколько раз после того, как в Кируне мы работали вместе, но не то чтобы очень часто, – ответил Билли, сконцентрировавшись на дороге.

– Мне она никогда на самом деле не нравилась, – тихо сказала сидевшая позади Ванья, глядя на ландшафты, пронесившиеся мимо с немалой скоростью, сквозь боковое окно.

– Это потому, что она пришла на твое место, – отозвался Билли, обрадовавшись столь быстрой смене темы. Ему следует быть осторожнее со сравнениями. Нельзя допускать, чтобы Йеннифер выглядела лучше Ваньи. Нельзя сравнивать их с профессиональной точки зрения.

Он однажды сравнивал с Ваньей самого себя. Тогда ее соревновательный азарт и желание всегда быть номером один привели к расколу между ними. До того они были словно брат с сестрой, а теперь стали коллегами, даже друзьями, но прежняя близость и доверие между ними так и не восстановились. «Возможно, к счастью», – думал Билли. Будь они ближе друг другу, он, вероятно, рассказал бы Ванье, с кем изменял своей жене.

Даже то, что он успел рассказать, уже было достаточно плохо.

– Нет, она просто мне не нравилась, – настаивала Ванья. – Ей хотелось, чтобы работа всегда была захватывающей. Бегать с оружием, преследовать преступников, стрелять и все такое прочее.

– Мне кажется, это несправедливо по отношению к ней, – возразил Билли.

– Она ныряла одна. В пещере, во Франции.

– И умерла!

Получилось громче и жестче, чем ему хотелось бы. Голос его предательски надломился, и в машине повисла тишина.

– Прости, с моей стороны это было бесчувственно, – раздалось с заднего сиденья. Ванья положила руку ему на плечо и сжала его. – Прости, я знаю, она тебе нравилась.

– Ничего...

Он еще прибавил скорость, и о Йеннифер они больше не заговаривали. Билли надеялся, что так будет и впредь.

– Извините.

Один из техников попытался протиснуться в дверной проем мимо Билли. С глубоким вздохом Билли сделал шаг назад.

Нужно прийти в себя.

Через кухню он вышел в гостиную. Техники пока не обнаружили ни ее мобильный, ни компьютер, но они еще не осматривали шкафы и кладовки. Оттуда он и собирался начать.

Быть хорошим полицейским.

Он не станет думать о Йеннифер.

Она должна занимать меньше места в его голове.

Крик должен превратиться в шепот.

* * *

Ванья сидела на лестничной клетке, привалившись спиной к стене, и держала в руках предварительный отчет – заметки полицейских, первыми прибывших на место. Непосредственно на месте преступления для нее было немного работы. Это была территория Билли и, в первую очередь, Урсулы. Но поездка в Евле отодвинула встречу с Себастианом еще на несколько часов.

Она пробежала глазами текст отчета.

Около девяти часов утра пришел Рашид Насир. Отпер дверь ключом и обнаружил тело. Вызов в службу 112 поступил в 09.16. Первый наряд полиции прибыл на место менее чем через десять минут, подтвердил сведения, которые сообщил Рашид, огородил место преступления и вызвал коллег и технический персонал. Техники еще продолжали свою работу в маленькой квартирке, но единственное, что они на данный момент могли сообщить – следы взлома на входной двери отсутствовали. Квартира находилась на третьем этаже, так что маловероятно, что преступник мог проникнуть через окно. Ванья мысленно сделала себе пометку – выяснить, сколько существует комплектов ключей от квартиры. У Рашида был один, возможно, найдутся еще. Этим фактический материал отчета исчерпывался. С соседями никто не побеседовал. Ни слова о том, кто и когда видел Ребекку в последний раз. Никакой информации о том, как долго она здесь прожила. Никаких фоновых сведений. Она предполагала, что Карлос уже выяснил большинство из недостающих фактов, а если нет, Билли с этим в два счета справится, когда они окажутся на базе, но сейчас она была здесь. И могла бы провести время с большей пользой, чем подпирать спиной стену.

Ванья встала на ноги и подошла к двери, ближайшей от квартиры Ребекки. Дверь открыли немедленно, словно хозяин – бородатый мужчина лет тридцати пяти, одетый в клетчатую фланелевую рубашу и мешковатые голубые джинсы – все время стоял и наблюдал за происходящим в тамбуре сквозь дверной глазок.

– Добрый день, Ванья Литнер, Госкомиссия, – представилась Ванья, предъявив удостоверение. – Могу я задать вам несколько вопросов?

– Конечно, – отозвался мужчина, разрываясь между Ваньей и детским плачем, раздавшимся из глубины квартиры. Звук плача становился все более требовательным. – Входите, входите. Я думал, он заснет... – пояснил мужчина и вернулся в дальнюю комнату.

Когда мужчина открыл дверь и с кем-то спокойно заговорил, плач сразу стал громче. Ванья вошла в квартиру и прикрыла за собой дверь. В прихожей она протиснулась мимо дет-

ской коляски. Прямо по курсу находилась комната, в которой сквозь щель приоткрытой двери Ваня разглядела небубранную двуспальную кровать. Она повернула направо и очутилась в гостиной. Серый угловой диван, круглый журнальный столик темного дерева с дополнительной столешницей внизу. Непарное кресло с подставкой для ног у короткой стороны дивана. Освежающе светлые стены, на которых были размещены предметы декора, выбранные, очевидно, по любви, а не по стоимости. Умеренное количество игрушек на полу, у стены возле окна – игрушечная плита с духовкой. Дом, в котором живут. Слегка неприбранный уют. Ванье это понравилось.

– Садитесь, садитесь, – указал мужчина на диван, выйдя из соседней комнаты, в которой Ваня угадала детскую – одной рукой он держал сонного мальчика в подгузнике и футболке, с соской во рту. Ваня подмигнула малышу, который тыльной стороной ладони тер один глазик, а потом внезапно отвернулся и зарылся лицом в папину бороду. Ваня устроилась на диване и стала наблюдать, как мужчина достает баночку с детским питанием, отвинчивает крышку и отправляет банку в микроволновку. Пока еда разогревалась, отец наполнил поильник водой и дал сынишке, который стал пить жадными глотками, с подозрением поглядывая на Ваню.

«Юнатан будет хорошим папой», – подумалось Ванье. У них тоже может быть так. Они уже обсуждали это. Завести ребенка. В целом ради шутки, но не совсем. Это казалось естественным шагом, который она хотела бы сделать вместе с Юнатаном. В следующем году ей будет тридцать пять.

– Как вас зовут? – спросила она мужчину, который выкладывал на детский столик слюнявчик, глубокую пластиковую тарелку и маленькую зеленую пластиковую ложечку.

– О, простите. Пьер. А это – Грим, – кивком указал он на сынишку. Микроволновка запищала, Пьер открыл дверцу, достал баночку с питанием и поставил на столешницу. Потом усадил Грима в детский стульчик. Мальчик немедленно начал хныкать и тянуться вверх, чтобы его снова взяли на ручки.

– Да-да-да, подожди немножко и увидишь, – заговорил Пьер, взял банку, уселся рядом с Гримом и вылил содержимое в тарелку, а затем перемешал и немного подул сверху, прежде чем повязать слюнявчик сыну. Наконец отец опустил зеленую ложечку в пюре и подвинул тарелку ближе к Гриму, который взял ложку, и с переменным успехом начал подносить ее ко рту. «Сегодня он не первый раз остался с сыном», – отметила про себя Ваня.

– Ваша соседка, Ребекка, – начала Ваня, когда ситуация оказалась под контролем и Пьер смог обратить свое внимание на нее. – Как долго она прожила здесь?

– Точно не знаю, мы здесь живем уже почти два с половиной года, и когда мы сюда переехали, она здесь уже жила.

– Вы не слишком хорошо знали ее?

– Практически не знали. – Он быстро наклонился вперед и вернул на место руку сынишки с полной ложкой пюре, когда Грим внезапно решил подирижировать. – Она была немного не от мира сего.

– Что это значит?

– Никогда не здоровалась, только что-то бубнила про себя, всегда была против всего... мы почти никогда с ней не пересекались. – Он взял ложку, которой накладывал пюре, соскреб остатки со слюнявчика и выложил обратно в тарелку. – Она считала, что за ней следят.

– Кто? – спросила Ваня, выпрямляясь на диване.

– Не знаю, я не думаю, что она сама знала, но из-за этого и заварилась вся каша с пожарной сигнализацией.

Ваня поднялась со своего места, подошла к столу, выдвинула стул и села. Грим с ложкой во рту глядел на нее во все глаза.

– Рассказывайте.

Пока Билли, Ванья и Урсула добрались до Упсалы, день уже начал клониться к вечеру. Ванья показала Билли, где можно оставить автомобиль, помогла с получением карточек-ключей и проводила всех на восьмой этаж. Она открыла дверь отдела, который покинула менее полусуток назад. Карлос и Себастиан теперь сидели каждый за своим столом. Оба подняли головы, и Ванья, направляясь к Карлосу, одарила Себастиана молниеносным колким взглядом.

– Это Билли и Урсула, коллеги из Госкомиссии, – представила она вновь прибывших, и Карлос поднялся, чтобы их поприветствовать.

– Карлос Рохас, добро пожаловать.

Они пожали друг другу руки, и Карлос повернулся к окну, вдоль которого располагались рабочие места.

– Я сижу здесь, Себастиан – вот тут, – указал он. – Думаю, Ванья займет свое место вон там, а вы все можете выбрать, где вам будет удобнее. Логин, пароли и прочее можно узнать у меня.

– Спасибо, – в унисон отозвались Билли с Урсулой и разошлись по небольшому офису. Билли прошел вперед и выбрал себе место дальше всех от окна. Урсула заняла стол рядом с Себастианом. Она улыбнулась ему, устраиваясь на своем месте, но его внимание было приковано к кому-то другому.

К Ванье.

Конечно же.

Он встал и подошел к ней.

– Привет, – заговорил он, изо всех сил стараясь выглядеть максимально открыто и покаянно. Хоть она и не удостоила его взглядом, все равно. – Я знаю, ты не хочешь, чтобы я был здесь, – продолжил он тихим голосом.

– И тем не менее ты здесь, – ответила Ванья, протискиваясь мимо него к своему бывшему рабочему месту.

Себастиан замялся. Когда сюда приехал Торкель, Себастиан расспросил его о Ванье и узнал, что она хочет вернуться в Госкомиссию. Что она не предвидела такого развития ситуации, но собирается максимально обернуть ее в свою пользу. Он не совсем понял, что это означает. Вероятно, она любой ценой попытается его избежать.

Это объяснимо. Но он не может этого позволить.

Она нужна ему.

Ему дан последний шанс сделать все как надо. В этот раз он решил не самоустраняться. Не предавать, не уничтожать. Она постепенно его примет. Не как отца, на это он больше не смел надеяться, но как кого-то близкого. На кого можно опереться. Звучит жалко, но он сможет этим довольствоваться. Это будет непросто, он знал, но решил придерживаться плана, составленного в лифте незадолго до их утренней встречи.

– В этот раз все будет иначе, – сказал он и последовал за Ваньей к ее столу.

– Я так не думаю, – коротко констатировала она и уселась в офисное кресло спиной к Себастиану.

– Мы будем просто коллегами, которые вместе работают над делом. Ничего больше. Я обещаю.

– Ты пока что не сдержал ни одного из своих обещаний, так что...

Что он мог на это ответить? Он не мог припомнить данные ей обещания, но исходил из того, что нарушил их все. Обычно он поступал именно так. Неважно, были ли они незначительны, вроде «конечно, я останусь на завтрак», или всеобъемлющи, как «я всегда буду защищать тебя». Вся его жизнь была цепочкой лжи и несдержанных обещаний.

– Я знаю, что делал глупости. Я ранил тебя, но...

Она крутнулась на кресле и встретила с ним взглядом впервые с тех пор, как вошла в офис.

– Ты можешь сказать что-то относительно нашего дела прямо сейчас?

– Что? Нет, то есть да... – Он покосился на кабинет Анне-Ли, где Торкель и она сама сейчас беседовали, сидя в креслах. – Торкель сказал, что, как только вы приедете, у нас будет собрание, так что я дождусь его.

– Тогда почему ты здесь стоишь?

– Что ты имеешь в виду?

– Мы же будем только коллегами, которые вместе работают над делом. Ничего больше. – Она откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди, словно всем своим существом пытаясь отгородиться от него. Не только словами. – Если тебе нечего сказать по делу, зачем ты здесь стоишь?

– Коллеги же все-таки могут разговаривать, – сделал попытку Себастиан.

– Но не мы, – отрезала она и снова демонстративно повернулась к нему спиной.

Себастиан постоял несколько секунд, пытаясь придумать, как быть дальше, но понял, что только еще сильнее оттолкнет Ванью, если станет продолжать.

– Окей, – тихо сказал он сам себе и оставил ее. Он видел, что Урсула наблюдает за ним с улыбкой, смысл которой он считывал не вполне. Шутливое сострадание? Если такое существовало. Если Ванья была меньше всех рада видеть Себастиана снова, а Урсула – больше всех, должен был быть кто-то и посередине. Так, по крайней мере, это представлялось Себастиану. «Совсем неплохо выяснить все одним махом», – подумал он, и поплелся к Билли, который занимался подключением своего оборудования.

– Привет, давно не виделись.

– Да.

Что-то в этом кратком ответе подсказывало Себастиану, что если бы они с Билли не виделись еще дольше, последний бы не расстроился.

– Как твои дела? – светским тоном поинтересовался Себастиан и присел на край стола. Билли смерил его взглядом, который говорил, что он понял – в вопросе сокрыто нечто большее, чем просто желание прояснить его самочувствие и настроение. Себастиан был одним из немногих, а теперь фактически единственным человеком, которому было известно о темной жажде Билли. Который видел, как далеко Билли был готов зайти.

– Со мной все в порядке, спасибо, – отозвался Билли безразличным тоном. – А ты как?

– Никаких экскурсий в зоомагазины или собачьи приюты? – продолжал Себастиан, не спуская с Билли взгляда. Билли развернулся лицом к коллегам, анализируя свое поведение. Никто в помещении не проявлял интереса к их беседе. Он сделал шаг к Себастиану и понизил голос.

– Эта шутка уже обрастает бородой.

– Это не шутка.

– Кончай. Я серьезно. – В голосе Билли послышался металл. – Мне известно, что ты видел, но это было давно. Один раз. С тех пор ничего не произошло.

– Окей, прекрасно.

– Так что оставь это.

Он наклонился совсем близко, Себастиан ощущал на лице его дыхание. Несколько молчаливых секунд они сверлили друг друга взглядами. На мгновение Себастиан испытал странное ощущение.

Билли может быть опасен.

Не только для какой-нибудь несчастной кошки.

– Ладно, проехали.

– Отлично, – отозвался Билли, отступил на шаг назад и продолжил настраивать свою рабочую станцию. – В таком случае снова работать вместе будет круто, – продолжил он, словно

недавнего обмена репликами не произошло. Себастиан поднялся и прошел на свое место, где его поджидала Урсула. Она заключила его в краткое приветственное объятие.

– Здорово, что мы встретились снова.

– Одна из трех, – сказал Себастиан с улыбкой, сделав неопределенный жест в сторону Ваньи и Билли. – Это больше, чем обычно.

Урсула поняла, что Себастиан пытался пошутить, но, к несчастью, шутка была совсем не далека от правды.

* * *

Все семеро собрались в одном из больших конференц-залов, в сравнении с которым Комната на Кунгсхольмене⁶ представлялась прямо-таки аварийным помещением, требующим ремонта. Лакированный паркет «елочкой», на котором под массивным дубовым столом на двенадцать персон лежал большой красный прямоугольный ковер. «Кресла черной кожи с высокой спинкой были комфортнее, чем вся мебель у Билли дома». Так рассудил он сам, занимая одно из них. На потолке было устроено современное функциональное освещение в виде трех длинных алюминиевых трубок со встроенными светильниками. На одной из стен карта Упсалы делила пространство с интерактивной доской, где уже были размещены несколько фотографий. Карта была оснащена тонкой прозрачной плексигласовой пластиной, благодаря которой можно было делать отметки, а по мере утраты актуальности стирать их или вносить изменения. Торкель мысленно дал себе наказ приобрести такую для Комнаты в Стокгольме. Вдоль другой стены располагался шкаф с открытыми полками, на которых хранились офисные принадлежности: бумага, блокноты, ручки, карты и стикеры лежали аккуратными стопками. На шкафу стояла ваза с фруктами и целая батарея бутылок с водой и колой. На потолке был установлен суперсовременный проектор, направленный на стену с интерактивной доской, над которой в свернутом виде был закреплен экран. В двух углах зала располагались дисплеи на поворотных штативах для видеоконференций. За долгие годы Госкомиссия перебивала во многих помещениях полиции по всей стране, но это, вне всяких сомнений, было самым шикарным. Складывалось впечатление, что они собрались на совет директоров какой-нибудь известной биржевой компании, а не для обсуждения изнасилований и убийства.

– Итак, – произнесла Анне-Ли, потянув на себя последнюю из оранжево-красных полосатых гардин, которыми было занавешено окно, выходявшее на коридор, чтобы полностью избежать утечки информации. – Если начинать с очевидных проблем, то они устранены. Себастиан...

Все развернулись к сидевшему рядом с Урсулой Себастиану, который откинулся на спинку кресла, держа в руках бутылку минеральной воды.

– ...остается, – отрезала Анне-Ли. – Это мое расследование, и я хочу, чтобы он был здесь.

– Я хотел бы прояснить, что обычно, если беремся за дело, мы принимаем ответственность на себя, – под пристальным взглядом Ваньи произнес Торкель, но был прерван Анне-Ли.

– Не здесь. Я с великой радостью приму вашу помощь, но не стану как восторженная селянка расстилать перед вами красную дорожку только по той причине, что вы приехали из столицы.

Урсула внезапно поняла, что Анне-Ли ей нравится. Ее отношение в целом, и даже такая простая вещь, как слово «селянка». Урсула давно продвигала тезис о том, что компетенция коллег снижается пропорционально удалению от крупных городов. Подбор слов указывал на то, что в новой коллеге и руководителе расследования она обрела родственную душу.

---

⁶ Остров на озере Меларен в Швеции, часть центрального Стокгольма.

– Но мы также должны исходить из того, – продолжала Анне-Ли, переводя взгляд на Себастиана, – что ты держишь свой член в штанах или, в противном случае, проваливаешь.

Да, она определенно нравилась Урсуле.

Себастиан кивнул и сделал глоток воды, утерев рот тыльной стороной ладони.

– Можно мне время от времени все же его доставать, чтобы пописать?

Анне-Ли даже не удостоила его ответом. Вместо этого она выдвинула стул и села.

– Отлично, значит, с этим разобрались. Теперь переходим к серьезным вещам. Кто начнет?

Она заскользила взглядом по столу. Карлос поднялся и застегнул тонкий пуховый жилет, надетый поверх рубашки и вязаного свитера, прежде чем выйти вперед и закрепить рядом с другими фото на доске увеличенную паспортную фотографию женщины. Густые, непослушные каштановые волосы, темные глаза, ярко выраженные скулы, пухлые губы.

– Ребекка Альм, тридцати лет, уроженка Нэше, в Евле переехала в возрасте двадцати двух лет, в общей сложности прожила там восемь лет. Работала на полставки в школьной столовой автономной христианской школы Энгскулан. С коллегами общалась мало. По всей видимости, вела затворнический образ жизни. Определенно нигде не обследовалась, но один из коллег считает, что она страдала от депрессии или подобного расстройства, – заключил Карлос. – На данный момент это все, но я продолжаю работу.

Кивнув самому себе, словно подведя черту под сказанным, Карлос вернулся на свое место.

– В квартире мы нашли телефон, но не обнаружили компьютера, – взял слово Билли, кивком указывая на фото Ребекки. – Я изучу его так быстро, как смогу, и попытаюсь отыскать ее в социальных сетях.

– Ее сосед заявил, что она считала, будто за ней следят, – вставила Ванья.

– Кто? – поинтересовался Торкель, заинтересованно подавшись вперед.

– Он не знает, – пожав плечами ответила Ванья. – Но Ребекка отказывалась устанавливать пожарные извещатели по этой причине – она считала, что в них вмонтированы камеры.

– Зачем кому бы то ни было следить за ней? – спросила Анне-Ли, встав с места, чтобы сделать подпись «Слежка?» под фото Ребекки. – Она должна была это хоть с кем-нибудь обсуждать?

Анне-Ли обернулась к Карлосу, который, как и Ванья, пожал плечами.

– Нам это неизвестно. Пока, во всяком случае.

– Хорошо. Нам известно, как давно она мертва?

Урсула выпрямилась. Себастиан наблюдал за ней краем глаза. Он размышлял, действует ли еще приглашение на ужин? Если нет, его снова ждет одинокий номер в гостинице. Он планировал изо всех сил стараться сдержать данное Ванье обещание измениться и стать лучше, и несколько часов в компании Урсулы могли бы немного облегчить ему задачу.

– Учитывая внешнюю среду и состояние, в котором находилось тело, я могу предположить, что пару недель, плюс-минус несколько дней.

– Сосед видел ее 2 октября, – доложила Ванья.

– В этот день она также в последний раз появилась на работе, – вставил Карлос.

– Кто-нибудь искал ее? – спросила Анне-Ли, добавляя подпись «2.10.» с вопросительным знаком под фото Ребекки.

– Да, ей звонили, и двое коллег приходили к ней, но она не открыла, так что... – он развел руками; этот жест, вероятно, означал, что далее полномочия товарищей по работе не распространялись. – За время жизни в Евле она временами пропадала, но всегда возвращалась назад.

Одинокий человек.

В городах их полно. Чем больше город, тем больше их.

Людей вроде Ребекки, которые могут отсутствовать по несколько дней или недель, которых никто не хватится. Себастиан размышлял, сколько времени потребовалось бы для того, чтобы обнаружить его тело, если бы с ним случился инфаркт дома на Грев-Магнигатан. Много. Точно больше двух недель. Кто может его хватиться? Урсула, возможно. Но не так скоро, чтобы сразу обеспокоиться, не произошло ли с ним чего.

– Никто не жаловался на запах? – спросила Ванья.

– В квартире было достаточно прохладно, она была худощавой и субтильной, практически тощей – для процесса разложения это плохие условия, так что она более или менее мумифицировалась, – пояснила Урсула.

«Уже кое-что», – подумал Себастиан. Со своими лишними килограммами на животе он точно завоняет. Или даже протечет сквозь перекрытия, к старухе Экеншельд, которая живет этажом ниже. С этого момента, когда врач станет рассказывать ему о пользе похудения для здоровья, он хотя бы по этой причине не станет слушать.

– Судебно-медицинская экспертиза выяснит, есть ли в крови следы снотворного, и присутствуют ли на теле следы спермы, – продолжала Урсула, перелистывая записи, которые держала перед собой на столе. – На шее у жертвы, по всей вероятности, след от укола, но полностью уверены мы можем быть только после вскрытия, – закончила она, и вновь откинулась на спинку своего кресла.

Анне-Ли кивнула и с толстым маркером в руках направилась к карте. – Нападение на Иду Риитала произошло здесь... – Она нарисовала небольшой кружок на карте и пометила его цифрой 1. – Старое кладбище, 18 сентября.

В кружочке Анне-Ли написала «18.9».

– Следующая – Тереза Андерссон, пятью днями позже, здесь. – Новый кружок, двойка и новая дата – 23.9. – А затем он едет в Евле. – Анне-Ли написала имя Ребекки за пределами карты, и добавила дату 2.10 с вопросительным знаком. – Клара Вальгрэн здесь, 13 октября. – Еще кружок, четверка и дата. Анне-Ли отложила маркер и отступила на шаг. Все молча изучали карту.

– Уппсала, Уппсала, Евле, и снова Уппсала, – подал голос Себастиан.

– Да, и что? – спросил Карлос.

– Похоже на то, что он выбирает жертву не случайным образом, – вместо Себастиана ответила Ванья, и он почувствовал прилив гордости.

Она мыслит в верном направлении. Она мыслит как он.

Папина девочка.

– Ребекку он точно выбрал, – продолжил Себастиан мысль Ваньи, одобрительно глядя на нее. Ванья, конечно же, взгляд проигнорировала. – Есть ли связь между потерпевшими в Уппсале и Ребеккой Альм?

– Мы пока не знаем, – отозвался Карлос, но троих местных мы еще не опросили по этому поводу.

– Связь есть между Идой и Кларой, – вступила Ванья.

– Какая?

– Они знакомы. Пели в одном хоре.

Себастиан кивнул. Две жертвы знакомы между собой, преступник едет в другой город, чтобы добраться до третьей... Похоже на след.

– Нам известно, как он вошел? – спросил Торкель, глядя на Билли и Урсулу, побывавших в квартире.

– Нет, – отозвалась Урсула. – Замок исправен, мы выясняем, сколько было комплектов ключей.

– Могла она его впустить?

– У нее была мания преследования, так что это маловероятно, правда? – заметил Себастиан, мало заботясь о том, насколько очевидно его отношение к пока что самому глупому вопросу.

– Он мог быть переодет, мог протиснуться внутрь сразу, как она открыла, – предположил Торкель, пытаясь скрыть раздражение в голосе.

– В двери есть глазок? – спросил Себастиан и повернулся к Урсуле. Она кивнула.

– Женщина, которая считает, что за ней следят, смотрит в глазок. И если за дверью переодетый незнакомец – она не откроет, – заключил Себастиан таким тоном, словно что-то объяснял пятилетнему ребенку. Торкель уже собирался ответить, но тут вмешалась Анне-Ли.

– У тебя есть что сказать, или ты собираешься только критиковать остальных?

– Забавно, что ты спросила.

Себастиан поднялся со своего места и подошел к доске. Он повернулся спиной к остальным и несколько секунд изучал информацию на ней. Он иногда так начинал свои лекции. Молча стоял спиной к аудитории. Наблюдал, как стихает шум. Создавал максимальный градус внимания и ожидания.

– Желательно, чтобы ты начал сегодня, – нетерпеливо произнес Торкель.

Себастиан со вздохом развернулся.

– Преступник долгое время фантазировал о своем деянии, и первая потерпевшая, очевидно, подверглась нападению в хорошо известной ему обстановке, при этом на удалении от его собственного жилища, – начал он, указывая на кружок с цифрой 1 на карте.

– Следовательно, фокусируемся на Иде Риитала, – быстро резюмировал Торкель. – Что еще?

Себастиан встретился с ним взглядом. У него возникло впечатление, что Торкель желает выставить его в невыгодном свете, делая, возможно, первый шаг к тому, чтобы его вышвырнуть.

Этот номер не пройдет.

– Может быть, эта женщина была ему знакома, или он по крайней мере видел ее раньше, и смог изучить ее привычки. Ему не нужны были неожиданности.

Себастиан вновь повернулся к доске, указывая на этот раз на фотографии, прикрепленные к ней.

– Мотивом в подобных случаях обычно служат власть и контроль, даже банальное женоненавистничество нельзя исключить, однако способ действия указывает на то, что там кроется нечто более серьезное.

Он оглядел аудиторию и понял, что завладел их вниманием. Он уже собрался сделать еще одну драматическую паузу, но сдержался.

– То, что он их усыпляет, может свидетельствовать о двух фактах: либо он неуверенно себя чувствует, если жертва в сознании, либо ему требуется испытывать ощущение тотального контроля.

Билли поднял взгляд от документов, которые изучал. Ему показалось, или последний пассаж был посвящен ему?

– В том случае, если верно последнее, – продолжал Себастиан, – этот человек почти наверняка уже экспериментировал с контролем и подчинением. В сексуальном контексте.

В этот раз Билли ничего не показалось, Себастиан определенно смотрел прямо на него.

– Вроде садомазохизма? – поинтересовалась Ванья. Едва заметное покачивание головой выдавало ее непонимание сексуальных предпочтений такого рода.

А Билли все понимал прекрасно.

Контроль. Пьянящее ощущение власти. Удовлетворение.

– Некая форма доминирования, – кивнул Себастиан. – Если же речь идет о его неуверенности в возможности совершить сам акт, значит, этот человек с большой вероятностью имеет

небольшой сексуальный опыт, если вообще его имеет, а тот опыт, что у него есть, вероятно, не самый лучший.

– Как нам его найти? – спросила Анне-Ли.

– Будет непросто, люди из этой категории обычно ведут замкнутый образ жизни, – со вздохом ответил Себастиан. – В другом же случае, если нам повезет, может оказаться, что преступник пытался влиться в БДСМ-сообщество, но понял, что ему этого недостаточно.

– Мешок тоже имеет отношение к контролю? – подала голос Урсула.

– Он выполняет две функции. Это еще и обеспечение безопасности: если потерпевшая очнется, она не сможет опознать преступника.

– Означает ли это, что женщины знакомы с ним? – спросила Ванья.

– Не обязательно, сам факт присутствия мешка может свидетельствовать о его чувстве вины. Ему нужно их деперсонифицировать. Сделать безликими. В буквальном смысле.

– Нам доподлинно известно, что именно Ида Риитала была первой жертвой? – спросил Билли.

– Дата дает нам определенное понимание, – с кислым видом отозвался Себастиан, мысленно передавая приз за самый тупой вопрос из рук Торкеля в руки Билли.

– Может быть, другие женщины не пожелали или побоялись заявлять в полицию, – попытался Билли отстоять свою точку зрения, неотрывно глядя на Себастиана.

– Это нетипично для изнасилований, сопряженных с нападением, – отрезал Себастиан, но помимо своей воли отметил, что в словах Билли присутствовало определенное рациональное зерно. Приз остается у Торкеля.

– Значит, в ближайшее время фокусируемся на Иде, – резюмировала Анне-Ли. – На вечерней пресс-конференции мы выступим с призывом к гражданам сообщать обо всех подобных случаях и, возможно, раздобудем новые сведения. Она поднялась с места, словно сигнализируя об окончании собрания.

– Что с камерами наблюдения на пути следования Иды? – складывая документы, поинтересовался Билли.

– Есть парочка, но ни одной в непосредственной близости от места преступления, – отозвался Карлос.

– Могу я получить к ним доступ?

– Естественно.

– Если подтвердится связь между потерпевшими, я хотела бы узнать об этом до пресс-конференции, – заявила Анне-Ли. Все согласно закивали, и на этом собрание определенно закончилось. Ванья первой поднялась с места и покинула зал, даже не взглянув на Себастиана. Тот, направляясь к своему месту, бросил короткий взгляд в сторону Анне-Ли, которая ободряюще ему кивнула и довольно улыбнулась. Здорово, когда тебя ценят, но оценку он хотел получить не от нее.

* * *

Она была травмирована. Это стало ясно Себастиану, едва только Ида приоткрыла дверь на ту ширину, какую позволяла ей цепочка – после того как они с Урсулой предъявили удостоверение дверному глазку. Она неважно себя чувствовала и не желала принимать гостей, по крайней мере – его, думал Себастиан, пока Ида вынужденно провожала их в гостиную. Там они с Урсулой вдвоем заняли диван. Сама хозяйка осталась стоять у двери, словно приготовившись бежать при малейших признаках опасности. Себастиан обратил внимание, как нервно она теребит густую прядь волос, свисавшую прямо на щеку, одновременно прикусывая нижнюю губу. Что-то сломалось в этой худощавой женщине с ввалившимися глазами той ночью на Старом кладбище. Она не исцелилась, ей не стало легче.

– Вы не присядете? – дружелюбно спросила Урсула, кивая на кресло у окна.

– Мне и тут неплохо, – покачала головой Ида. – Что вам нужно?

– Вы знакомы с Ребеккой Альм?

Ида вновь молча покачала головой.

– Вы никогда не видели эту женщину? – продолжила Урсула, выкладывая на столик фото, и подвигая его по направлению к Иде. Та сделала шаг вперед и взглянула на фото, не делая попытки взять его в руки. И вновь покачала головой.

– Нет, я не знаю, кто она. – Она подняла взгляд на Урсулу. – Почему вы спрашиваете?

– С ней случилось то же, что и с вами, – вмешался Себастиан прежде чем Урсула успела ответить. – В Евле, – добавил он в надежде, что информация о том, что человек, напавший на нее, переехал и теперь их разделяет много миль, сможет вселить в нее немного уверенности. Не было необходимости раскрывать детали, и рассказывать все. Что нападение в этот раз оказалось со смертельным исходом, и что оно произошло в квартире жертвы – для Иды эта информация была излишней. Это знание отобрало бы у нее единственное место, в котором она чувствовала себя уверенно – ее жилище. Вероятно, оставались считанные часы до того момента, как прессе станет известно о связи между преступлениями и о смерти Ребекки, но у Себастиана возникло чувство, что самоизоляция Иды включает в себя также отказ от просмотра новостей и от интернета. При хорошем раскладе ей никогда не придется узнать об этом.

Ида кивнула. Никаких вопросов, никакого любопытства – как, где, почему, есть ли у них зацепки.

Несколько мгновений тишины.

Она травмирована, снова подумал Себастиан. Всем существом она излучает шок и хаос. Урсула убрала фотографию и поднялась.

– Так вы никогда прежде не видели ее?

Очередное покачивание головой. Урсула шагнула прочь от столика, взглянув на Себастиана – пора было уходить.

– Вам кто-нибудь помогает? – мягко поинтересовался Себастиан, который остался сидеть на месте. – Пережить это?

– Что вы имеете в виду?

– Человеческая психика не может продолжать функционировать как ни в чем не бывало после подобных потрясений, нам нужна помощь, чтобы вернуться к себе. Нужен кто-то, с кем можно поговорить.

– Я молюсь.

– Кто-то помимо Бога.

Ида взглянула ему в глаза впервые с тех пор, как они пришли.

– Вы не верите, что он может помочь?

Себастиан не стал отвечать прямо. Сам он не верил ни в какие высшие силы. Однако он был убежден, что вера и религия дают людям чувство принадлежности, связи, приносят в жизнь упорядоченность и смысл. Вера могла помочь во многих ситуациях, но Себастиан был уверен, что молодая женщина, получившая столь тяжкую травму, нуждалась в чем-то еще, в чем-то большем.

– Я считаю, что его способность оказывать конкретную помощь на каждодневной основе ограничена.

– Вы не верите в Господа и Иисуса, – отрезала Ида, и это прозвучало так, словно она получила представление о Себастиане как личности и на этом основании составила о нем собственное суждение.

– Мои родители верили, – честно ответил Себастиан, пытаясь все же завязать диалог.

– Но не вы, – настаивала Ида. – Поэтому и не понимаете, как Он помогает, стоит лишь человеку на Него положиться.

Действительно. Он не понимал.

Никогда.

И никогда не выказывал доверия.

Напротив, большую часть своего взросления он посвятил борьбе против всего, во что верили его родители и за что они стояли горой, и под конец это стало очевидно даже им, уставшим от его бунтарской незаинтересованности и активного отмежевания. Мама сказала ему об этом во время их последней встречи.

Бог покинул тебя, Себастиан.

Он отвел от тебя свою руку.

Если бы это было так, многое бы прояснилось. Но он не собирался становиться одним из тех, кто, столкнувшись с жизненными трудностями, ищет ответы по различным религиозным кружкам. Куда как проще было бы свалить все на кого-то другого или что-то другое. Не нести полную ответственность за то, что не смог удержать дочь, не смог ее спасти. Верить в то, что ее смерть входила в великий божественный замысел. Возможно, неисповедимый, но оттого не менее великий.

Он, однако, не собирался ввязываться ни в какую дискуссию – по опыту знал, что это бессмысленно. Речь шла о вере. Человек либо верит, либо нет, но если он верит так истово, как молодая женщина перед ним, доводы разума никогда не возобладают.

– Мне кажется, вам нездоровится, – вместо этого произнес Себастиан в самой сочувственной манере. Ида не ответила. – Когда вы в последний раз выходили из дома? – продолжал Себастиан, снова не получив ответа. – Ида...

– Неделю назад, наверное, – наконец выдавила она.

– Скрываться от мира – не выход.

– Господь подскажет выход.

– Возможно, божья помощь заключается в том, чтобы направить к вам кого-то, с кем вы могли бы поговорить? – предположил Себастиан, наблюдая за Идой, которая впервые, кажется, начала воспринимать его слова. – Пути его неисповедимы, – продолжил Себастиан цитатой, которую много раз слышал дома, когда родителям не удавалось рационально объяснить какое-либо происшествие. – Может быть, именно по этой причине он послал меня, – заключил Себастиан, но по реакции Иды сразу понял, что зашел слишком далеко.

– Вам кажется, что *вы* – проводник воли Господней? – эти слова она полным презрения голосом словно выплюнула ему в лицо.

В обычном случае эта мысль могла бы ему потрафить, но в данной ситуации хотелось просто прикусить язык и забрать свои слова обратно. У него был шанс достучаться до Иды, но Себастиан его упустил.

– Я не тот, кому нужно верить в это, – сказал он в надежде, что нечеткая формулировка вновь затронет что-то в ее душе. Этого не случилось.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – попросила Ида.

Себастиан тяжело поднялся на ноги. Ида попяtilась, когда он поравнялся с ней и дверным проемом.

– Вам нужен кто-то, – сделал он последнюю попытку.

– Уходите, будьте добры.

– Если у вас никого нет, можете поговорить со мной, – не сдавался Себастиан.

Ида, скрестив руки на груди, смотрела в пол.

– Себастиан... – Урсула махнула ему рукой, призывая следовать за ней. Они больше ничего не могли поделать. По крайней мере, не прямо сейчас. С явным сожалением Себастиан последовал за Урсулой в прихожую, а затем к выходу из квартиры.

Как только дверь за ними захлопнулась, Ида подбежала к ней, заперла и заново навесила цепочку. С трудом держась на ногах, она выдохнула. Ида была физически измотана напряжением, в котором пребывала рядом с двумя незнакомыми людьми. К тому же полицейскими.

Она поплелась в кухню и рухнула на один из стульев, пытаясь привести в порядок мысли. Взгляд ее упал на мобильник, лежавший на столе. Позвонить Кларе? Чтобы услышать, что к ней тоже приходили?

Конечно, приходили.

Что она сказала? Сказала ли что-нибудь?

Она нервно прикусила нижнюю губу, размышляя, как ей следует вести себя во время следующего визита полиции, когда они явятся и сообщат ей, что Клара Вальгрэн узнала Ребекку и сказала, что Ида тоже должна ее знать. Что они определенно были очень хорошо знакомы. Возможно, достаточно будет просто сказать, что не узнала ее на фото, что смотрела невнимательно.

Внезапно почувствовав во рту солоноватый привкус, Ида прижала палец ко рту. Она искусала нижнюю губу в кровь. Глядя на каплю крови, смешанную со слюной, которая осталась на пальце, Ида стала размышлять. Слишком много совпадений, слишком многое сходится. Теперь еще и Ребекка. Это оно. Ничем другим это быть не может. Она слизала кровь с указательного пальца. Он был прав. Этот психолог.

Ей нужен кто-то.

Ей нужна помощь.

Ей нужен поводырь, ей нужен ответ. Нужен кто-то, кто примет решение. Ей необходимо знать, что она поступает правильно. Она взяла телефон и стала набирать номер.

* * *

Ингрид пребывала в раздражении еще до этого разговора.

По правде говоря, день у нее выдался дерьмовый. Ранним утром позвонил журналист с вопросом об одном ее вполне конкретном высказывании в конфирмационном⁷ лагере в Емтланде, в ее бытность пастором в общине Новой Упсалы, воспринятом как унижительное и оскорбительное одним из конфирмантов. По какой причине это всплыло сейчас, спустя столько лет? Ингрид считала, что виной тому приближающиеся выборы епископа. Она на самом деле не переживала по этому поводу – она ведь всего лишь провозглашала слово Божье, как оно было записано, а если кому-то оно пришлось не по нраву, или показалось обидным – что ж, возможно, им не стоило проходить конфирмацию. Конфирмация необходима для подтверждения таинства крещения. Для того чтобы сказать Богу: да, я готов отдать свою жизнь в Твои руки. Несмотря на то, что Церковь Швеции – организация, в которой она служила – пыталась подавать конфирмацию под видом эдакого мировоззренческого курса. В том смысле, что *ты важен и ценен потому что ты есть тот, кто ты есть. Как человек ты несешь ответственность и за собственную жизнь, и за свои отношения с окружающими*, – гласила информация на церковном сайте. Пустые фразы, которые легко можно представить в контексте любой дешевой философии типа «помоги себе сам». Очень мало или вообще никакого отношения не имеющие к Богу. Возможно, конфирманты и смогут постичь *ценность быть самим собой и быть возлюбленным Господом*, но вряд ли поймут, что должны возлюбить Его в ответ.

Поклоняться ему.

Преклоняться перед ним.

Вряд ли они поймут, что все на свете можно постичь через Господа и Иисуса.

---

⁷ Конфирмация – в ряде протестантских церквей обряд сознательного исповедания веры.

Но в наши дни все, что могло каким-либо образом уязвить раздутое эго молодежи, рассматривалось как не заслуживающее внимания, размышляла она.

Даже если Ингрид не испытывала чрезмерного волнения по поводу утреннего разговора, он так или иначе оказал влияние на ее приготовления к стандартному интервью – или заслушиванию, как епархия по какой-то неведомой причине его именовала. В преддверии выборов епископа два человека в течение почти получаса задавали ей вопросы. Одной из них была женщина, профессор философии и теологии из Университета Умео, а ее компаньоном оказался руководитель программы церковных конгрессов из центра в Лунде. Ничего не имея против них обоих, Ингрид решила, что они сместили фокус не на те вещи, задавали не те вопросы, так что ей всю дорогу приходилось их направлять, что в итоге могло быть воспринято как стремление избегать неудобных вопросов.

Нежелание отвечать.

Как в политике.

В конце они поблагодарили ее за беседу. Ингрид не могла понять, была это вежливость или они на самом деле остались довольны. Вся ее кампания противопоставляла ее либеральным течениям, представляя Ингрид в качестве альтернативы для тех, кто хотел бы вернуться к традиционным ценностям. И таких было множество. Многие с ужасом наблюдали, как их Церковь всерьез выносит на обсуждение вопрос о метафорической природе Бога в противовес традиционному пониманию его физического существования. Многие не верили своим ушам, слыша с высоких трибун слова о том, что истина в метафоре, которую не нужно понимать буквально. Многие следили за ходом дебатов о том, следует ли христианам прятать крест если, к примеру, они трудоустроены в сфере здравоохранения, – ведь он может быть воспринят, как провокационный символ.

На все это у Ингрид были ответы, но кто-то должен был задать ей верные вопросы, а этого как раз никто не сделал.

Ее снедало чувство, что она упустила фантастическую возможность, и это чувство лишь усилило ее раздражительность, когда после заслушивания она поехала на встречу с представителями профсоюза по вопросам психологического климата в коллективе. Проблема была ясна всем, все знали, чем занимается Ингрид, и они уже провели бессчетные часы на совещаниях по выработке мер и организации служебных разбирательств. Сегодня не ожидалось ничего нового, в этом Ингрид была убеждена. Но ее ожидал сюрприз. Сегодня ей предложили оставить службу, получив годовое жалование в качестве выходного пособия. В этом случае сведения о личных конфликтах в общине не получат широкого распространения.

Ничто иное, как шантаж.

Пытаются надавить на нее, используя ее статус кандидата на выборах епископа.

Ингрид была одной из семи кандидатов, из которых реальный шанс был у троих. Их могло быть всего двое, если бы она решилась дать ход известной ей информации о Йоране Пельтцене. Его поездка в Лондон по служебным делам в 2012 году вылилась для общины в Стрэнгнесе в существенно большую сумму, чем предполагалось. Если Ингрид правильно понимала, займись кто-то этим вопросом вплотную, он мог бы обнаружить разнообразные счета из ресторанов и театров, и Пельтцен явно затруднился бы объяснить, почему их оплатила община. Вопрос был лишь в том, воспользуется ли Ингрид этой информацией? Например, можно было бы организовать утечку в местные СМИ. Но только так, чтобы нельзя было отследить источник, чтобы следы не привели к ней. Очернение конкурентов может обернуться проблемой для нее самой. Ей, конечно, хотелось бы быть выше всего этого, но сейчас все средства хороши. Она была уверена в том, что именно один из ее соперников вытащил на свет божий эту историю с оскорбленным конфирмантом.

Обо всем этом Ингрид размышляла в машине вечером по пути домой. Пришла к выводу, что слишком зла и взвинчена, а это худшее состояние для принятия важных решений. Так что

сведения о Йоране Пельтцене она решила пока придержать. Выборы должны состояться еще только через два месяца. Время есть. Можно выждать пару недель, оценить реакцию публики на заслушивание. Все выкладывается в Сеть, чтобы электорат мог составить себе представление о кандидатах. Может быть, все не так плохо, как ей кажется. Как только окажется дома, она посмотрит запись, а потом уже будет решать. Так она и поступит. Сворачивая на подъездную дорогу к вилле на Думхерревеген она немного воодушевилась.

Все разрешится.

Господь направит ее.

Как всегда.

Она уже заглушила мотор и собиралась выходить из машины, когда раздался звонок. Незнакомый номер. Только бы опять не тот журналист, думала Ингрид, нажимая кнопку ответа. Это был не он.

– Здравствуйте, это Ида. Ида Риитала, – едва слышно донеслось с того конца.

– Да?

– Не знаю, помните ли вы меня, я состояла в Аб...

– Я помню тебя, – резко прервала ее Ингрид. Последнее, что ей сегодня требовалось – это напоминание о жизни в Уппсале. – Чем я могу тебе помочь? – продолжила она уже более дружелюбно.

Следующие пять минут Ингрид слушала рассказ Иды об изнасилованиях, о Кларе и Ребекке, о полиции, о том, что та ничего не сказала, о ее сомнениях по этому поводу.

– Но я не уверена, – заключила Ида. – Может быть, нам нужно было... Мы должны были... Как вы думаете?

Ингрид положила голову на подголовник, прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она была на взводе еще до этого звонка.

– Я считаю, что ты поступила правильно, – произнесла она тоном, который, как ей было известно, заставлял людей прислушаться. Положиться на нее. – Нет никакой причины это ворошить. Мы все оставили это позади, раскаялись, просили прощения и получили его.

Ответом ей была тишина. Тишина, которую Ингрид истолковала как сомнение. Когда человек подвергается испытаниям, он легко впадает в сомнения.

– Ты сделала все правильно. Рассказать все, впутать полицию в это дело – это человеческий путь, а ты должна подумать о божественном. Господь видит все в целом, он использует события для того, чтобы сделать тебя лучше, сделать тебя сильнее. Он проверяет тебя, но никогда не положит на твои плечи ношу, которая тебе не по силам. Будь уверена в этом.

Ответ Иды подтвердил правильность выбранных Ингрид аргументов. Она достучалась до Иды. Они беседовали еще минут пять, пока Ингрид не убедилась, что Ида согласна. Лучше ничего никому не рассказывать. Закончила Ингрид на том, что Ида может звонить в любое время, в надежде что этого не произойдет.

Еще несколько секунд Ингрид оставалась на месте, размышляя. Стоит ли позвонить остальным? Клара оставила церковь. Оставила Бога. Аргументы, которые сработали с Идой, здесь не пройдут. Разговор с Ингрид, которая попросит ее сохранять молчание, может даже возыметь обратный эффект. То же с Ребеккой Альм – если Ингрид позвонит ей, она решит, что это конспирация, что против нее могучие силы. У Ребекки всегда было живое воображение.

Ожидание представлялось Ингрид сейчас наилучшим выходом.

Нужно посмотреть, что будет дальше.

Положиться на Господа. Он поможет с этим разобраться.

Она вышла из машины и направилась к дому. Сняла туфли и повесила пальто. Зажгла несколько ламп по пути на кухню. Наполняя чайник, Ингрид вдруг осознала, как сильно устала за день.

День был длинный.

Но он еще не закончился. Ожидая, пока вскипит вода, Ингрид прошла в кабинет и включила компьютер. Она опустилась в свое рабочее кресло, оперлась локтями на стол и положила лоб на ладони. В доме было тихо. Разве что... Ингрид выпрямилась. Прислушалась. Ей показалось? Ингрид повернула голову к двери.

Ничего. Тишина.

Слабый шелчок со стороны кухни сигнализировал о том, что вода закипела. Она успела ввести пароль, прежде чем пойти на кухню за чашкой чая.

Она скорее почувствовала, чем услышала.

Кто-то посторонний был в доме.

Прямо позади нее.

Паника подступила к горлу, но она не успела обернуться.

Нет, только не снова, только не снова!

Мысли понеслись в ее голове с бешеной скоростью, как вдруг Ингрид ощутила укол в шею и упала на пол.

* * *

– Спасибо вам всем, что смогли прийти в такой поздний час, – начала Анне-Ли, занимая место рядом с Торкелем у стола в одном из малых конференц-залов на цокольном этаже здания полиции. Шум голосов утих. «В зале около тридцати сидячих мест», – прикинул Торкель. Примерно половина была занята. Всего около пятнадцати человек. Но какое количество печатных и цифровых изданий, а также телеканалов они представляли, он не имел ни малейшего понятия. Большинство снимали происходящее на видео, используя любые доступные средства – от камер на штативах до мобильных телефонов в руках.

– Это Торкель Хеглунд из Госкомиссии по расследованию тяжких преступлений, – продолжила Анне-Ли, указывая на Торкеля. – Он и его команда помогают нам вести это дело.

Торкель коротко кивнул собравшимся. Среди них было лишь одно знакомое лицо.

Аксель Вебер.

Кто бы сомневался.

Он по своему обыкновению освещал работу Госкомиссии. В предыдущем расследовании он вообще принял деятельное участие. Чересчур деятельное, с этим бы согласились все. Вебер слегка улыбнулся Торкелю и приветственно поднял руку. Торкель проигнорировал.

– На данный момент мы расследуем убийство, два изнасилования и попытку изнасилования, которые, по нашему мнению, совершены одним и тем же человеком, – перешла к делу Анне-Ли, и Торкель заметил, как заинтересованно притихли слушатели.

Выпрямили спины.

Ручки и блокноты наготове.

Пальцы на клавишах.

До начала пресс-конференции они договорились, что ведущую роль предстоит играть Анне-Ли. Торкель станет отвечать на вопросы, заданные непосредственно ему, либо в случае, если Анне-Ли передаст ему слово. Условия такие. Торкелю в принципе было все равно, у него не было причин противиться такому разделению полномочий. У нее был определенный стиль руководства. Приказной порядок. Торкель не мог припомнить, когда в последний раз получал от кого-либо приказы и, откровенно говоря, не чувствовал восторга по этому поводу.

Они также обговорили, на какие вопросы будут отвечать, какой информацией поделятся, а какую до поры придержат. Себастиан с Урсулой вернулись после встречи с Идой Риитала, подтвердив сведения, полученные Ваньей от Клары Вальгрэн.

Никто из жертв не был знаком с Ребеккой. Ванья, однако, считала, что в показаниях Клары было нечто ускользающее от их внимания, и желала посвятить больше времени поискам

связи между потерпевшими. Торкель был уверен, что она в этом преуспеет. Ванья обладала непревзойденным чутьем в такого рода делах. Карлос отчитался о получении сходных показаний от Терезы Андерссон. Она тоже не была знакома с Ребеккой, и даже никогда о ней не слышала. Поэтому сейчас не было никакой причины сообщать общественности о давнем знакомстве двух потерпевших. Это могло лишь подстегнуть ненужные спекуляции в прессе. Они также не станут упоминать о шприцах и мешках. Если дело получит такую широкую огласку, какой опасался Торкель, обе детали в течение суток и так станут достоянием гласности. Громкие дела имеют тенденцию к утечке информации.

– Мы можем узнать имена потерпевших? – спросил плешивый репортер, сидевший с правого края с мобильным телефоном в руках, когда Анне-Ли закончила излагать информацию и предложила задавать вопросы.

– Нет, мы не можем их озвучить. Только одно – Ребекка Альм.

– Погибшая. В Евле, – произнес Вебер, сверяясь со своими записями.

– Именно.

– Вам известно, почему он сменил город?

Торкель сам себе кивнул. Умный вопрос. Обоснованный. Вебер работал криминальным репортером так долго, что практически приобрел полицейские инстинкты.

– Нет, на данный момент неизвестно.

– Не значит ли это, что жертва была выбрана не случайно, что преступник хотел напасть именно на нее? – Вебер не сводил глаз с Торкеля, но слово опять взяла Анне-Ли.

– Не обязательно. Он мог оказаться в Евле по целому ряду причин.

– Но вы разрабатываете эту версию?

– Само собой, в числе прочих.

Вебер кивнул и продолжил изучение своих заметок. На первый взгляд удовлетворенный ответом. Торкель гадал, позвонит ли он вечером. Рыжеволосая женщина лет пятидесяти на вид, сидевшая справа по диагонали позади Вебера подняла руку, одновременно подавшись всем корпусом вперед.

– Вы упомянули БДСМ-секс, не могли бы вы немного развить эту тему?

– В каком ключе?

– Рассказать немного подробнее.

Торкель прекрасно понимал, чего хотела эта женщина. Более шестидесяти лет минуло со времен так называемой «сексуальной революции», которая была призвана сделать тему секса более доступной и повседневной, и тем не менее она все еще оставалась щекотливой. Притягательной. А уж если речь шла о каком-либо сексуальном отклонении в контексте жестокого преступления – то это был просто динамит. Или стопроцентный кликбейт, выражаясь современным языком.

– Наш профайлер выдвинул теорию, согласно которой преступник ранее экспериментировал с контролем и подчинением. В сексуальном контексте.

– Как?

Было наивно предполагать, что она удовлетворится такой размытой формулировкой.

Ей требовалось большее.

Им всем требовалось что-то большее.

Анне-Ли переглянулась с Торкелем. Какой дополнительной информацией они могут поделиться? Если Себастиан прав, они смогут вступить в контакт с людьми, пережившими похожий сценарий в отношениях с преступником. В то же время нельзя было давать прессе слишком много подробностей. Анне-Ли кивнула Торкелю, передавая ему слово. У него возникло чувство, что ей просто нужен кто-то, на кого можно было бы возложить ответственность в случае возникновения осложнений по ходу расследования.

– Вероятно он хотел, чтобы во время полового акта женщины неподвижно лежали на животе. Скрывали свои лица, возможно, накрывали их чем-то.

– Он накрывал их лица во время изнасилований? – поинтересовался молодой человек с заднего ряда.

Словно не услышав последнего вопроса, Торкель резюмировал:

– Вот что касается БДСМ.

Он скорее почувствовал, чем понял по выражению лица Анне-Ли, что уже сказал слишком много.

– Мы будем опрашивать всех, кто находился вблизи мест, где произошли нападения, непосредственно до или сразу после совершения преступлений, – заявила Анне-Ли, давая всем присутствующим понять, что тема секса и, соответственно, способа, коим были совершены преступления, исчерпана. – Мы составили список актуальных адресов и временных отрезков, вы можете его получить, – продолжала Анне-Ли, кивком головы указывая на двух полицейских в форме, стоявших у дверей, каждый с небольшой пачкой листов в руках.

– Если есть потерпевшие, которые не заявляли о нападении либо попытке нападения, мы просим их связаться с нами сейчас, – вставил Торкель.

– Значит, потерпевших может быть больше, – констатировал репортер с заднего ряда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.